

Кирилл

КАЗАНЦЕВ

ВОРОВСКАЯ ЛЮБОВЬ

АВТОРИТЕТ
ИЗ ДЕТДОМА

Кирилл Казанцев

Авторитет из детдома

Серия «Воровская любовь»

текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4998547

Кирилл Казанцев. Авторитет из детдома: Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-62915-2

Аннотация

Детдомовцы Пашка Анкудов и Колька Копоть были не разлей вода. Однажды директор детдома – садист и подонок – жестоко унизил Пашку. Колька вступился за товарища и ударил обидчика ножом. И разошлись пути-дорожки двух закадычных друзей. Один попал на зону, а второй продолжил скитаться по детдомам да распределителям. Через 30 лет авторитет Копоть приехал в Серпухов к вору в законе по прозвищу Индус. Индус собрался на покой и хотел назначить Копотя преемником. Начальник местного ОВД решил воспользоваться «сменой власти» и присвоить воровской общак. Он начал охоту на Копотя, и тот вряд ли отбил бы от матерого мента, если бы ему на помощь не пришел следователь Павел Анкудов. Тот самый Пашка – верный детдомовский друг...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	40
Глава 4	48
Глава 5	69
Глава 6	79
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Кирилл Казанцев

Авторитет из детдома

Глава 1

Мир устроен сложно, он соединен не видимыми глазу капиллярами взаимосвязей в пространстве и во времени. Хотя люди почему-то уверены, что мелкие события никоим образом не связаны меж собой. И случившиеся в прошлом никак не повлияют на будущее. Скажем, утром выполз муравей из муравейника, отправился искать со своими собратьями пропитание. Но не повезло трудяге, наступил на него мальчишка и... раздавил. Подумаешь, трагедия планетарного масштаба! Миллионы, миллиарды муравьев и других насекомых каждый день рождаются, гибнут. Разве может исчезновение одного из них что-то существенно изменить в будущем? А ведь изменяет. Сегодняшний день, как мозаика, складывается из множества мельчайших событий прошлого.

А если это не муравейник, а детский дом? И не муравьи отстаивают свое место в этом мире, а люди? И от любого поступка в борьбе за свое место под солнцем может напрямую зависеть будущее этого человека. А может, и не только его одного...

В восьмидесятые годы прошлого века детский дом в

провинциальном Серпухове представлял собой довольно мрачное заведение. Грубые игрушки, жестокие воспитатели, жизнь впроголодь, нищета. А среди воспитанников царили законы волчьей стаи. Не урвешь ты, урвут у тебя. Не ударишь первым ты, ударят тебя. Стоит зазеваться, дать слабину, и сразу же окажешься на самом дне детдомовского сообщества.

Но, как правильно заметил классик, «жизнь, она повсюду». Никакие невзгоды и трудности не запретят мечтать о лучшем даже самым обделенным любовью и вниманием детям. Даже в крошечном аду у них обязательно найдется шанс полюбить и стать любимыми, защитить друга, бороться за справедливость.

Четырнадцать лет – сложный возраст. Человек становится подростком. Уже не ребенок, но еще не взрослый. Восьмиклассники – воспитанники Серпуховского детского дома Пашка Анкудов и Колька Копоть – прятались за дровяным сараем в конце детдомовского старого сада. Колька только что перелез через забор со стороны города и, чертыхаясь, оттирал испачканные солидолом штаны.

– Комбат гребаный, снова доски сверху намазал.

Комбатом ребята называли за глаза директора детского дома – бывшего командира десантно-штурмового батальона. Петр Дмитриевич всего год назад еще воевал в Афганистане, а потом его срочно вернули в Союз, отправили в запас. Поговаривали, будто за жестокость, проявленную к местным

жителям. Мол, он и раньше не церемонился с афганцами. Сам с дурным хищным смешком, перемежая свою речь матами, рассказывал на уроках по военной подготовке, как будучи в разведке резал горло любому духу, который вставал у него на пути...

– А чего церемониться? – громыхал он на недоуменные взгляды мальчишек-детдомовцев. – Это днем он крестьянин с мотыгой, а ночью душман с автоматом. Я его отпущу, а он потом на меня и моих ребят боевиков наведет. Защитник советского народа и себя должен уметь защитить. Хороший афганец – только мертвый афганец. Мои ребята всех подряд резали, кому на глаза попадались. И старух, и детей. Но этих не интересно. Лучше всего, если молодая баба попадет. Мы ее для начала дружно по кругу пускали, – при этих словах педагог Петр Дмитриевич быстро, звучно и часто ударял указательным пальцем левой руки по согнутому большому правой. – Чего добру пропадать, если потом все равно прирежем? Да и ей перед смертью удовольствие. Все бабы это дело любят.

В том, что рассказ директора о его недавнем боевом прошлом не жестокая выдумка, а самая что ни на есть реальность, подростков убеждал дельный совет, который Комбат давал подрастающему поколению детдомовцев – будущих защитников Родины. Такое нельзя было придумать, можно было лишь освоить на практике при частом до привычности исполнении:

...Один за руки ее держит, двое ноги задирают, четвертый втыкает. Сперва она крутится, и это хорошо. Баба должна подмахивать. Ну а потом лежит она уже бревно бревном, что с ней ни делай, не шевелится. Бревно мужику интересно? Не интересно! Так вот, мои ребята так делали, – Петр Дмитриевич клал на стол автоматный патрон, прикрывал его лезвием саперной лопатки и демонстрировал чудо советской солдатской смекалки в действии. – Брали гильзу, на нее лопату клали и все ей под задницу засовывали. Боец становится ногой на черенок, знай себе нажимает. Вот так мы этих афганок и оживляли.

Вероятно, командование смотрело сквозь пальцы на «художества» Комбата и вверенного ему подразделения. Во всяком случае никаких претензий до поры до времени не выдвигало. Сгубило командира то, что однажды, обкурившись анаши и закрепив эффект парой бутылок дрянной афганской водки, он со своими бойцами уничтожил вместе со всеми жителями горный кишлак – «устроил душманам Хатынь». Население загнали в мечеть и забросали гранатами. Тем самым он сорвал запланированную операцию советских войск по разгрому крупной банды. Суд не состоялся лишь потому, что в руководстве сороковой армии никто не хотел скандала. Майора тихо сплывили на родину в Серпухов, где он вскоре стал директором детского дома.

Пашка Анкудов вопросительно посмотрел на своего лучшего друга:

– Раздобыл курево?

– А то! – гордо заявил Колька Копоть и бережно извлек из кармана не выкуренную и наполовину сигарету.

Длинный бычок перекатывался на ладони.

– «БТ» «Кинг сайз», – восхищенно произнес Пашка и осторожно, словно прикасался к обнаженному женскому телу, тронул пальцем испачканный ярко-красной помадой фильтр.

– Красотка какая-нибудь его курила, – Колька понюхал бычок, взял сигарету в губы, блаженно прикрыл глаза.

Чиркнула спичка. Подростки курили, сидя на корточках, передавали бычок из рук в руки.

– Вкусная, – оценил Пашка.

– Даже дым от нее, кажется, блинчиками пахнет. Это тебе не «Прима» вонючая.

– «Приму», между прочим, даже сама английская королева курит. Ей специально на заказ в Союзе ее делают с фильтром и в коробках из глянцевой бумаги.

– Враки это все...

Доспорить парни не успели. Среди густо побеленных стволов старых яблонь шла их одноклассница Варька Попова. Девчонка держала в руке книгу. Белое в синий горошек платье колыхалось на теплом майском ветре. Под матерчатой сборкой явственно проступала уже вполне развитая грудь. Складки короткого платья, словно пенные струи водопада, стекали с округлых упругих бедер.

– Варька... – выдохнул Пашка, даже забыв о дымящемся в его пальцах бычке.

Колька сглотнул слюну. Друзья давно неровно дышали в сторону этой девчонки. Секрета из того, что оба влюблены в нее, между собой не создавали. Но никак не могли решить сложный вопрос, что им с этим делать. Попова осмотрелась, не заметила наблюдателей, прятавшихся за дровяным сараем, и села за старую парту, стоявшую под яблоней. Когда опускалась на сиденье, то подбросила, чтобы не помялся, подол. Явственно мелькнули белые трусики. Принялась читать, чуть склонив голову, то и дело облизывала кончиком языка губы.

– Ты хотел бы ее поцеловать? – спросил Колька.

– Она мне даже приснилась вчера ночью, голая. Вот так вот и зашла в класс – без ничего. И за парту села. Никто этого почему-то не замечает, даже она сама, только я все-все у нее вижу, – шурился на Варьку Пашка. – И тут меня к доске вызывают, а у меня в штанах... ну, ты сам понимаешь.

– А мне она почему-то никогда не снится. Хотя, как засыпаю, я о ней по-всякому мечтаю, – шептал Колька. – И долго мы с тобой около нее ходить будем, молчать, как рыбы об лед? Надо решиться. Случай-то сейчас удачный.

– Предлагаешь подойти вдвоем и спросить, с кем она ходить хочет?

Колька усмехнулся.

– Вдвоем не пойдем. Мужчины в таких делах между собой

сами должны решать.

– Не драться же нам с тобой.

– А я и не предлагаю поединок. Пусть случай решит, кто первым к ней подкатиться сможет. И никаких обид, – Колька вытащил из кармана двухкопеечную монету. – Решка – я первым иду. Орел – ты.

– Идет.

Копоть подбросил монету в воздух, словил ее на тыльную сторону руки и тут же прихлопнул ладонью. Несколько секунд подростки смотрели друг другу в глаза. Затем Колька поднял ладонь.

– Орел, – выдохнул он, забирая у приятеля сотлевшую почти до самого фильтра сигарету. – Не упусти свой шанс, Пашка. Если не поцелуешь ее прямо сейчас, вторая попытка уже за мной. – Ни пуха ни пера тебе, дружбан.

– К черту.

Пашка Анкудов поплевал на ладони, пригладил волосы, глубоко вздохнул и нерешительно зашагал к Варе. Девчонка, конечно же, краем глаза заметила приближение ухажера, но виду не подала, так же усердно читала.

– Здравствуй, Варя, – почему-то очень официально проговорил Пашка. – Читаешь?

– Привет, – не отрываясь от страницы, ответила Попова. – Зачем спрашиваешь, если и так видишь? – засмеялась она.

Ее смех серебряными колокольчиками полетел под яблонами.

– А что читаешь? – с мужской непонятливостью продолжал интересоваться Пашка.

– Французские сказки, – Варя показала обложку книги, при этом из страниц выскользнул и спланировал на траву засушенный цветок. – Ой!

Анкудов тут же присел, чтобы его поднять, в пальцах хрупкие лепестки тут же треснули, рассыпались. Пашка поднял голову, чтобы виновато взглянуть в глаза девчонке. Но «по дороге» его взгляд зацепился за подол белого в синий горошек короткого платья, да так под ним и остался.

Варя выждала пару секунд, затем плотно сжала колени и наставительно, но с благосклонной улыбкой произнесла:

– А вот этого делать не надо.

– Я... я... ничего... – стал заикаться Пашка, к его щекам прилила кровь.

– Что значит ничего? Я же видела! Ты подглядывал. Бесстыдник.

– Я... я... мне можно... я тебя люблю, – внезапно выпалил Пашка и, чувствуя на своей спине пристальный взгляд друга, наблюдавшего за тем, как разворачиваются события, из-за дровяного сарая, схватил Варю за плечи, прижался своими губами к ее губам, ожидая получить оплеуху.

Но этого не случилось. Варя лишь прижала сжатые кулачки к своей груди и слабо пыталась оттолкнуть ими Пашу.

– Не надо, остановись, – шептала она в моменты, когда губы ее освобождались. – Да ты совсем целоваться не умеешь.

Просто тычешься...

Тем временем Пашка уже терял контроль над собой. Его руки шарили по Вариному телу, пальцы заползали в разрез платья, скользили по бедрам.

– Сумасшедший. Не надо... Не здесь... Увидят еще, – шептала Варька. – Ты еще не спросил, люблю ли тебя я, а лезешь, куда тебе нельзя лезть.

Колька, уже почти не прячась, высовывался из-за сарая, он хоть и кусал губы от ревности, но все же находил в себе силы искренне радоваться успехам друга. Неизвестно, чем бы все закончилось, но «идиллию» прервало появление Комбата. Он, как опытный десантник, умел приблизиться незаметно и возникнуть перед противником в самый не подходящий для последнего момент.

– Отставить разврат, – скомандовал он, хватая Пашку за шиворот и поднимая его в воздух. – А тебе, подстилка малолетняя, стыдно свою мочалку с таким молокососом чесать, – обратился он к покрасневшей растерянной Варе. – Целоваться его учить вздумала. А у него-то и не оброс еще, поди. Молчишь? Значит, не оброс.

Петр Дмитриевич неприкрыто разглядывал то, что открывалось его взгляду. В сбившемся разрезе платья виднелась грудь с набухшим соском, под задранном подолом белели незагоревшие тугие бедра. Варя одернула платье, вскочила. Но ее остановил властный голос.

– Сесть!

Попова, подрагивая, опустилась на скамейку и, как прилежная школьница, сложила перед собой руки.

– Так, а ты, извращенец – любитель подглядывать, выходи из-за сарая, – не оборачиваясь, предложил директор детдома капитуляцию Кольке Копотю.

Тот неохотно вышел, встал, заложив руки за спину.

– Вышел, и теперь что? Убивать будете? – Колька не опускал голову.

– С тобой я еще разберусь, как мужчина с женщиной, – пообещал директор и повернул голову к Пашке. – Спускай штаны.

– Зачем?

– Спускай, я сказал, – не дожидаясь еще одного вопроса, Комбат схватил Пашку, зажал его голову между ног, сорвал с него штаны и на глазах у Вари с удовольствием принялся стегать по заднице ремнем с тяжелой пряжкой. – Сладкого захотел? Получай! А ты, сучка, хотела голого парня? Так теперь морду не вороти, смотри.

Наконец директор вытер вспотевший лоб, заправил широкий офицерский ремень в гражданские брюки, улыбнулся.

– Только так с вами, сволочами, и можно разговаривать. Если сучка не захочет, кобель на нее не вскочит. Мудрость народная. Так что тебе, Попова, за бездарную попытку учинения разврата во вверенном мне детском доме назначаю пять дней изолятора. Ясно?..

Вечером Колька сидел за той самой партой в саду, Пашка стоял рядом. Что такое изолятор в понимании Комбата, им объяснять было не надо. В детском доме на первом этаже имелся жилой блок – комната с санузлом и зарешеченными окнами. На двери со стороны коридора имелась табличка «ИЗОЛЯТОР». По правилам внутреннего распорядка это помещение предназначалось для инфицированных заразной болезнью воспитанников. Но ведала им не медсестра, ключи всецело находились в распоряжении Петра Дмитриевича. Помещал он туда исключительно половозрелых воспитанниц, которые ему приглянулись. Придумать причину наказания директору труда не составляло. А в случае с Варькой Поповой и придумывать не стоило – словил ее с Пашкой на месте «преступления», вот и «заслужила». По ночам директор наведывался к «заключенным» девчонкам и проводил с ними разъяснительную работу, которая заключалась в удовлетворении его сексуальной похоти самыми изощренными способами. И никто с этим ничего не мог поделать. Ни воспитатели, ни воспитанники, все директора элементарно боялись. У Петра Дмитриевича имелись свои люди в милиции и в местной власти. Любое обвинение в его адрес тут же было бы перенаправлено на жалобщика. Как же – поклеп на интернационалиста-героя, афганца-орденоносца, который за

Родиону «мешками кровь проливал, когда вы все здесь жировали».

Колька нервно точил свой перочинный нож. Он всегда так делал, когда волновался. Копоть натирал деревянный брусочек землей и быстро водил по нему лезвием. Пашка подбрасывал на ладони двухкопеечную монету.

– Я к ней под окно ходил, – срывающимся голосом говорил Анкудов. – Она только голову над подоконником показывала. Говорит, Комбат у нее всю одежду забрал. Грозился сегодня ночью прийти. А еще она мне призналась, что у нее никогда еще никого не было. Потом сказала, если он силой ее возьмет, она повесится.

– Дела... – протяжно вздохнул Колька. – Уж лучше бы наша монетка на ребро встала или в воздухе зависла. Соображения какие-нибудь имеются?

– Остановить его надо.

– И как ты собираешься это делать? Драться? Так он же нас, как котят, разбросает.

– Можно бомжей за бутылку нанять. Пусть они его отметелят.

Копоть предложение друга не поддержал.

– Наши дела мы сами должны решать. Да и денег на бутылку у тебя нет.

Пашка надолго задумался. Колька тоже морщил лоб. Наконец Копоть просветлел лицом.

– Придумал, – он аккуратно сложил остро отточенный пе-

рочинный ножик и сунул его в карман.

– Ну?.. – нетерпеливо поинтересовался Пашка.

– Помнишь, он сам на уроке нам рассказывал, как пленного душмана допрашивал?

– А тот все никак говорить не хотел, героя из себя корчил, – тут же припомнил Анкудов.

– Ага. А вот когда того душмана к доске привязали и пару раз в выгребную яму солдатского сортира с головой окунули, он и заговорил.

– Конечно, какой же ты герой, если дерьма нахлебался?! – понял ход Колькиных мыслей Пашка. – Если и с комбатом так сделать, он про Варьку и думать забудет.

Мальчишки-детдомовцы сблизили головы и зашептались. То и дело на их губах появлялись улыбки.

После отбоя они выбрались в коридор. Со второго этажа, где располагались спальные комнаты, спустились по металлической пожарной лестнице. Действовали без опаски, маршрут был ими уже не раз опробован.

– Тише ты, – зашипел на друга Колька, когда тот спрыгнул на землю. – Пошли.

Окно комнаты директора на первом этаже светилось. Мстители забрались на цоколь, заглянули внутрь. Петр Дмитриевич в тельняшке и тренировочных штанах сидел за столом. Перед ним стояла початая бутылка водки. Директор взял ее неверной рукой за горлышко и приложился. Острый кадык несколько раз дернулся под щетинистой кожей, слов-

но мышь, попавшая в грубо сотканный мешок. Блестящие, немного сумасшедшие глаза скосились к окну.

Подростки тут же пригнули головы, оказались на земле и забежали за угол.

– Время еще есть. Видал, сколько у него водяры? Пока всю не выжрет, с места не сдвинется, – с видом знатока определил Колька.

Красным ведром с коническим дном и багром разжились на пожарном щите. Доску вырвали прямо из забора. За дерьмом дело тоже не стало. Дощатый сортир лишнего удобств детского дома стоял тут же, во дворе. Свет не зажигали, подсвечивали себе спичками и газетой.

Ведро плюхнулось в жижу, Пашка багром подцепил его за ручку, потянул.

– Тяжелое, черт!

– И воняет... – Колька помогал другу вытаскивать ведро из пропиленного в досках «очка» и втыкал нос себе в плечо, чтобы не так донимал запах.

– Ты через рот дыши, – посоветовал Пашка.

– Не могу, меня тогда точно вывернет наизнанку.

Ручку ведра надели на середину пожарного багра. В коридор вошли, сбросив тапочки, ступали бесшумно. Свет луны скупо лился сквозь высокие окна.

– Все, здесь поставим, – Колька остановился и осторожно опустил свой конец багра.

Место и впрямь было подходящим. Коридор пересека-

ла стена из стеклянных блоков с дверью. Конструкцию ловушки придумали загодя, ее оставалось лишь воплотить в жизнь. Один конец доски уложили на дверной наличник в самом верху, второй конец подперли пожарным багром. Самым сложным оказалось водрузить на хлипко державшуюся доску ведро, наполненное до краев дерьмом. Пришлось Кольке посадить Пашку, тот, рискуя облиться сам и окатить друга с головы до ног, все же с ответственным заданием справился. Даже сумел уравновесить ведро, подложив под него камешки.

Отходили от конструкции пятясь, почти не дыша, настолько она оказалась неустойчивой. Но зато подействовать должна наверняка, стоило открыть дверь, как полотно выбивало багор, и ведро переворачивалось на голову выходявшему за дверь.

– А теперь шухер, – прошептал Колька.

С тапочками в руках, они прокрались в спальную комнату, дверь оставили чуть приоткрытой. Легли в кровати. Естественно, не спали, прислушивались. Вот, наконец, на первом этаже скрипнула дверь, слышались нетвердые шаги директора. Он еще что-то бормотал себе под нос. Что именно, не понять, но явно матерное.

Пашка глянул на Кольку. В глазах у него читалась мольба к всевышнему: «Сделай так, чтобы сработало». Бог, как и все просьбы в этом мире, бессловесную молитву детдомовца услышал. А вот выполнить ее или нет, все еще колебался.

Во всяком случае, дал последний шанс одуматься и директору-педофилу...

Комбат остановился перед стеной из стеклоблоков, потянул носом. Отчетливо пахло дерьмом.

– Вот же сволочи, и тут уже насрали! – сделал неправильный вывод бывший разведчик и остервенело толкнул дверь. Длинный пожарный багор отлетел к стене, гулко ударился об нее.

Петр Дмитриевич еще успел глянуть вверх, от неожиданности раскрыть рот, неверный лунный свет мгновенно померк – глаза ему густо залило дерьмом, а готовое вырваться страшное ругательство так и застряло в горле...

– Слышал? – шепотом спросил Пашка.

Снизу доносился надрывный кашель.

– А то!

И тут весь детский дом буквально сотрясли проклятия и отборная брань. Единственным осмысленным словом среди этого словесного поноса было:

– ... убью!..

Воспитанники вскакивали, выбегали из комнаты.

– Ну что, теперь и мы можем пойти, – предложил Колька.

Мальчишки в трусах и майках, девчонки в ночных рубашках призраками жались по стенам, затыкали носы, не решаясь приблизиться. Директор, стоя прямо на середине прохода, обдавал себе голову газировкой из сифона. Промыв лицо, он длинно и забористо выругался, а затем уставился на

детей.

– Чего хари воротите? Быстро построиться. Я сказал!

Командирский голос возымел действие. Они тут же выстроились в шеренгу, подровнялись. Петр Дмитриевич отбросил ногой пожарное ведро к стене и грязный, «благоухающий» двинулся вдоль воспитанников, скользя взглядом по лицам.

– Все собрались? – грозно спросил он.

– Вари Поповой нет! – тут же с готовностью доложил Колька Копоть.

– Ах так, Варька отсутствует? Вам ее недостает? – зло бросил Комбат, метнулся к изолятору, зазвенел ключами.

– Не подходите, глаза выцарапаю! На помощь! – донеслось из-за распахнутой двери.

Директор вытащил в коридор упирающуюся, кутающуюся в простыню, ничего не понимающую Варьку, поставил перед строем.

– А теперь будет момент истины, – проговорил он. – Вы, ублюдки, уроды, дети алкоголиков и наркоманов, дефективные, на кого руку подняли? Вы же не только меня, а честь советского офицера замарали, – он оттянул прилипшую к груди тельняшку. – Если тот, кто это дерьмо под самый потолок поставил, не признается сейчас во всем сам, то я эту дуру, – директор указал на кутающуюся в простыню Варьку, – слизывать его с пола заставлю. И это будет справедливо. Из-за нее все началось. Считаю до трех. Один уже было. Два...

Пашка не выдержал, качнулся. Петр Дмитриевич среагировал мгновенно. Схватил его за шиворот, вырвал из шеренги.

– Так я и знал, – прошипел он. – При мне с пола все и слижешь. Пусть все смотрят, – он зажал в пальцах волосы подростка, пригнулся и собрался уже ткнуть Анкудова лицом в разлитое дерьмо.

Но тут вперед вышел Колька, глаза его недобро блестели в полумраке коридора.

– Один бы он ведро наверх не поставил. Соображать надо. Я с ним был, – внешне спокойно произнес Копоть.

Директор детского дома округлил глаза.

– Об этом я и не подумал, – прохрипел он. – Вместе слизывать станете.

– Не-а, – и тут Колька рванулся вперед, в его руке тускло блеснуло лезвие перочинного ножа.

Бывший командир десантно-штурмового батальона, способный справиться с несколькими хорошо тренированными противниками, просто не ожидал подобного от четырнадцатилетнего мальчишки. Идеально отточенное лезвие полоснуло по вытянутой шее Комбата, точь-в-точь как в его собственных афганских историях. Щетинистая кожа мгновенно разошлась, вывернулась раной. Из перебитой артерии фонтаном ударила кровь. Петр Дмитриевич еще успел схватиться рукой за порез, сделал пару шагов к Кольке и упал на колени. Он попытался что-то сказать, но кровь полилась, за-

булькала из открывшихся губ. Директор детского дома рухнул лицом вниз.

Девчонки завизжали, разбегаясь. Копоть глянул на чистое лезвие перочинного ножа и бросил орудие убийства на пол.

* * *

Воспитанника Николая Копотя, убившего своего директора, судили выездным судом. Заседание проходило в столовой детского дома.

Колька вины своей не отрицал, говорил, что ни о чем не сожалеет. Судья не учла показаний других воспитанников, рассказавших о самовольстве директора и его издевательствах над девчонками. В результате Копоть получил самый большой срок из возможного – шесть лет, – который отправился отбывать на «малолетку».

А на «малолетке» понятия вообще кошмарные, детдомовские по сравнению с ними – райская жизнь. Дети – народ жестокий. За «колючкой» ты, если не будешь постоянно отстаивать свое право на существование, очень скоро превратишься в отбросы зонального сообщества.

Колька выстоял, правда, стоило это ему еще двух тюремных сроков. Но зато в результате он стал вором и влиятельным криминальным авторитетом с безупречной для уголовника репутацией.

Варьку Попову еще до суда над Копотем перевели в дру-

гой детский дом. Возможно, она писала письма Пашке, но они до него не доходили, впрочем, как и его до нее. Девчонка словно растворилась во времени и пространстве.

Пашку же случившееся бросило в другую сторону. Со временем он подался в правоохранители. Засела у мальчишки в памяти жестокая несправедливость. Вот и решил он бороться за лучшее будущее для всех на службе у закона. Себя не щадил, с годами заделался профессиональным опером-сыскарем.

Первые годы Николай и Павел переписывались. Потом письма стали приходить реже и реже, пока наконец отношения не прервались окончательно. Ничьего злого умысла или пренебрежения в этом не было. Просто жизнь развела Николая и Павла на два разных полюса. И кто бы мог подумать, что спустя много лет по иронии судьбы они снова встретятся – оперативник и вор... И эта почти случайная встреча многое изменит в их судьбах...

Глава 2

Недавно переваливший через «сороковник» уголовный авторитет, которому вместо погоняла служила звучная фамилия Копоть, наконец-то соскользнул с верхней полки плацкарта. Проводница вручила ему сложенный вчетверо билет.

– Подъезжаем к Серпухову, – напомнила она пассажиру. – Не задерживайтесь, стоим всего две минуты...

Николай Копоть расправил плечи. На верхней полке ему так и не удалось уснуть, больно уж она напоминала ему тюремные нары. А на зоне он провел почти половину сознательной жизни. За окнами вагона уже сгущались вечерние сумерки...

– И багаж не забывайте, – поторапливала проводница.

– Нет у меня багажа, – ухмыльнулся Копоть.

– Нашли чем хвастаться, – молодая женщина покосилась на густо татуированные плечи Николая.

Тот с благодушной улыбкой надел поверх майки-соколки рубашку.

– Главное, чтобы бабки были, на них все, что нужно, купить можно, – проговорил он, всовывая руки в рукава куртки. Я привык путешествовать налегке.

В Серпухове последний раз Николай был почти тридцать лет тому назад – после первого суда и «малолетки» судьба не

заносила его в эти края. Конечно же, можно было приехать и раньше, но Копотю не хотелось разрушать тот образ города, который сложился в голове с детства. Какое-никакое, но в чем-то оно было не только ужасным, но и счастливым: с надежным другом, с которым первый раз закурил и выпил первый стакан дешевого вина, с первой любовью. Пусть Копоть и не успел рассказать о ней Варьке Поповой. Хотелось верить, что она теперь счастлива, растит детей, а может, и внуков уже нянчит...

Теперь же в Серпухов он направился не по своей воле. От предложения, поступившего ему от авторитетов криминального мира, нельзя было отказаться. На последнем сходняке старый вор в законе с погонялом Индус, скромно живший в Серпухове, сам попросил подыскать ему замену. Мол, старым стал, не ровен час помру, а потому и прошу освободить меня от чести быть хранителем воровского общака. Просьбу уважили, как и пожелание Индуса, что преемника он выберет себе сам из тех, кого ему предложит сходняк. Двоих кандидатов Индус уже отверг. И вот третий – Копоть – ехал на «смотрины».

Конечно же, в сегодняшние дни основной воровской общак – это не закопанная в трехлитровой банке наличка и рыжье, а банковские счета, доля в бизнесе. Но и дедовские методы иногда еще в ходу. Часть воровских богатств, идущая на грев братвы в зонах и следственных изоляторах, по-прежнему хранится в сугубо материальной форме у назначенных

для этого уголовных авторитетов с безупречной воровской репутацией. Правда, в случае с Индусом речь шла скорее о почетной должности без особого практического смысла. Братва просто решила уважить Индуса, дать ему выбрать себе замену. Ну а потом, после его смерти, перевести общак в безнал и пустить в дело, чтобы деньги, как и положено, делали деньги.

Поезд сбавил ход, лязгнули буфера. Проводница загрохотала подножкой.

– Счастливо, – бросил ей через плечо Копоть и ступил на землю города, где последний раз бывал еще подростком.

Здание вокзала осталось прежним, вот только в окнах появились стеклопакеты. Но прежних нехитрых, милых сердцу прелестей жизни уже не наблюдалось. Исчезли автоматы с газированной водой по три и по одной копейке. Сразу же вспомнилось, как они с Пашкой Анкудовым ловко приноровились бить кулаком по монетоприемнику, и автомат за бесплатно исправно наливал им в граненые стаканы прозрачную холодную воду с шипящими серебряными пузырьками. Исчез и морозильный ларь с недостижимой для детдомовца мечтой – мороженым. Теперь вдоль платформы тянулся ряд застекленных магазинчиков и кафешек.

Долго осматриваться в одиночестве и предаваться воспоминаниям Николаю не пришлось.

– Здорово, бродяга, – сквозь вокзальную публику к нему притиснулся здоровяк Пепс, с которым Копоть закорешился

на зоне во время последней ходки.

Две татуированные руки сошлись в крепком рукопожатии. Бывшие зэки даже обнялись. Так и хотелось спросить: «А помнишь?..» Но зачем спрашивать, если и так знаешь ответ: «Конечно же, помню. Такое не забывается».

– С Индусом я тебя завтра сведу. Сегодня поздно уже, – Пепс покосился на темнеющее небо. – У старика свои причуды, ты не удивляйся. Он из тех законных, которых «больше не делают». Своей линейкой всех меряет.

– И тебя померял? – усмехнулся Николай.

– На второй день забраковал. Не понравилось, что я кокс нюхаю.

– Дурь – не мое, – без тени осуждения произнес Копоть. – Чем меньше удовольствий на вольняшке, тем легче потом за колючим орнаментом.

– Каждому свое, – философски изрек Пепс.

– А чего у хранителя погоняло такое чудное – Индус? – поинтересовался Николай, когда они уже оказались на привокзальной площади.

– Увидишь – поймешь, – Пепс предупредительно вскинул указательный палец. – У него на лобешнике родинка большая, ну, типа такие, как индусы себе приклеивают.

– А, знак касты! Типа брахманы там и неприкасаемые, – выказал образованность Копоть.

– Во-во. За это его Индусом и прозвали. Но только смотри, он не любит, когда на эту его родинку зенки таращат. Де-

лай вид, будто ее не замечаешь.

– Ну, с этим мы завтра разберемся. Специально рисовать-ся не собираюсь. Подойду Индусу, так тому и быть, не подойду – тоже.

– А сейчас ко мне рванем. Помоешься, покемарим пару часиков. Потом, после полуночи, в одно заведение завалимся. Не пожалеешь. Лучшее в городе.

– Что там такое? – поинтересовался Николай.

– Главное, туда только своих пускают, – загадочно уточнил Пепс. – Фейсконтроль.

Взяли такси. Водитель-кавказец несколько нервно косился на татуировки Пепса. Копоть разглядывал городские пейзажи через окно стареньких «Жигулей». Да, многое поменялось в городе, но все равно он оставался узнаваемым и в чем-то даже милым.

«Вот здесь, помню, стояла желтая бочка на колесах, только из нее не квас, а дешевое вино продавали», – припомнил Николай.

Пепс окликнул сидевшего на заднем сиденье Копотя:

– Смотри, вот это заведение, куда мы после полуночи пойдём.

За стеклом проплыла вывеска «Фитнес-клуб «Парадиз».

– Не слишком броско, – похвалил Николай. – Мы что, будем там ночью на тренажерах заниматься?

– Какие тренажеры? Хотя там и это можно, – засмеялся Пепс. – Там вообще, все можно. Придем, увидишь. А с виду

скромно, потому как заведение в бомбоубежище расположено. Там такие катакомбы, черт ногу сломит...

Такси свернуло за угол, миновало еще несколько кварталов. И тут сердце у Копотя екнуло. В отдалении он увидел словно паривший над землей в вечернем воздухе остров. Кроны старых деревьев, а между ними еле заметные крыши – тот самый детский дом.

– Стой, – положил он руку на плечо таксисту.

Тот послушно затормозил, обернулся.

– Сладкие воспоминания детства? – спросил Пепс с улыбкой, но тут же согнал ее с лица, лишь только встретился взглядом с Николаем.

– Дальше я один, – сказал он.

– Я подожду, – предложил Пепс.

– Езжай. Я же сказал – один, – встретимся у твоего заведения после полуночи, – сказал Копоть, хотя пару минут до этого и собирался поехать к корешу.

– Как знаешь. Мешать не буду, – пришлось согласиться Пепсу. – Если что, я дома. Адресок знаешь.

– И город знаю. Не заблужусь, – Копоть махнул рукой, мол, езжай скорее.

Пепс прочувствовал настроение Николая, понял, что не следует ему мешать. Копотю следовало побыть наедине с самим собой. Такси неторопливо укатило. Бывший воспитанник в сгущающихся сумерках зашагал по дороге. Хрустел под подошвами гравий обочины, как и тогда, в детстве. Так

же пахло вечерней свежестью, влагой и травой. Николаю казалось, что он сейчас не умудренный жизненным опытом бывалый зэк, а подросток, у которого практически нет прошлого, но зато есть будущее.

* * *

Дорога привела его к воротам. Они были все теми же – незамысловатыми, железными, сваренными из металлических прутьев. Правда, мастер попытался придать им хоть какой-то художественный вид. Поэтому две створки представляли собой то ли восходящие, то ли заходящие солнца. Сколько таких решеток пришлось перевидать на своем веку Копотю!

– Солнце всходит и заходит, а в тюрьме моей... – процитировал бывалый зэк.

Ворота были прежними, а вот забор оказался новым. Старый деревянный исчез, на его месте появился сложенный из сплошных бетонных плит. Унылой серой лентой он уходил в сгущающуюся темноту. Местами его украшали свежие граффити. Вроде бы и написано что-то, да вот хрен прочитаешь, что. Копоть пошел вдоль него, припоминая, что должно находиться по другую сторону. Когда он добрал до того места, где в прошлом стоял дровяной сарай, ему показалось... даже не показалось, он прямо ощутил, что по ту сторону сейчас он сам – четырнадцатилетний, а рядом Пашка Анкудов,

поодаль от них – Варька. И неважно, что в тот злополучный день сияло солнце, а сейчас поздний вечер. По ту сторону забора все осталось как прежде.

Николай забросил руку на верх забора. Привычно провел – солидола не оказалось. Копоть подтянулся, перемахнул и огляделся. От сарая и следа не осталось, теперь на его месте виднелись старые контейнеры для мусора. Проржавевшие до дыр короба стояли перевернутыми. А вот сад остался. Старые деревья, покрытые мхом и лишайником, таинственно шумели листвой.

– Вот здесь и стояла парта, на которой... – Николай задумался над вопросом, к которому вот уже чуть ли не тридцать лет искал ответ. – А если бы монетка в тот день выпала по-другому, и к Варе пошел бы я, а не Пашка... Это что-то бы изменило в наших жизнях?

Копоть присел по-зэковски на корточки и закурил. Ветер подхватывал дым, нес его между деревьями, за которыми виднелось здание детского дома. Свет горел лишь в некоторых окнах. В здании нарисовался освещенный дверной проем. Длинная тень упала на траву. По желтой световой дорожке торопливо двинулась женщина в рабочем халате, в руках она сжимала швабру.

– Эй, чего тут расселся! – крикнула она надтреснутым хриплым голосом. – А ну, пошел отсюда. Ходят тут всякие... Договорить ей Николай не дал.

– Теть Дуся, вы что это, своих не признаете? – спросил он,

не подымаясь с корточек.

Старая женщина подошла, всмотрелась ему в лицо:

– Колька, что ли? – выдохнула она. – Копоть? Где ж ты все эти годы?

– Он самый.

– Живой... а говорили, будто ты уже давно того, перекинулся.

– Я и сам так думал, – подмигнул старой уборщице Копоть.

И подумал: «Хорошо, что сейчас темно, при свете дня я мог бы и не узнать старуху. Неужели она и теперь уборщицей тут работает?» Но швабра не оставляла в этом сомнений.

– А я думаю, кто это сюда забрался? У тебя все хорошо? Может, поужинаешь? У меня есть.

– Теть Дуся, помните, как вы меня однажды мороженым угостили? Принесли с собой в газеты завернутое, чтобы не растаяло. А я увидел, как вы его доставали.

– Не припомню что-то, – наморщила лоб старая уборщица.

– Было, было. Я еще брать отказывался, хоть и хотелось. А вы сказали, что, мол, когда разбогатею, тогда и верну за него двадцать две копейки.

– Не тебе одному такое говорила, – расплылась в улыбке пожилая женщина.

– Так вот, я не то чтобы сильно разбогател, но долг отдать могу, – Николай полез в карман куртки, вытащил из него

несколько купюр и буквально силой затолкал деньги в кулак тете Дусе.

– Ты чего, не надо, какие тут долги. Вы ж детьми были. А я что...

– Держите, а я пошел. Только не говорите первое время никому, что меня видели.

Николай почувствовал себя неловко, словно сделал что-то не то, чего делать не следовало. А потому он, больше не оборачиваясь, дошел до забора, перемахнул через него и зашагал уже не по дороге, а по пустырю к близким огням города. Хрустели под ногами сухие сорняки, скрежетали битый кирпич и стекло. Во всю грудь Николай вздохнул, только оказавшись на улице. Тут ярко горели фонари. И хоть район был знакомым, но уже чувствовалось, что ты не в прошлом, а в настоящем, и жизнь твоя сложилась так, как сложилась. Ехать к Пепсу не хотелось. Ну не станешь же ему рассказывать о парте под старой яблоней, о тете Дусе и мороженом по двадцать две копейки.

* * *

Копоть вышел в центр к тому самому бомбоубежищу, в котором теперь располагался фитнес-центр «Парадиз». До полуночи, когда обещался подъехать кореш, еще оставалось пару часов, которые Копоть и решил провести здесь в ожидании, благо лавочка стояла перед самым входом. Он сидел,

куруил, разглядывая прохожих, каждый раз пытался угадать, кто из них чем занимается по жизни. Умение для настоящего вора незаменимое. Ведь всегда с первого взгляда следует понять, кто перед тобой, что достойного может оказаться в его кармане или в квартире. Внешность часто обманчива. Вот, например, идет мужчина в строгом костюме, с кожаным портфелем, на ходу одной рукой набирает эсэмэску на экране навороченного айфона. Вроде бы состоятельный человек. Но его выдает обувь, жмет немного. Богатый человек никогда не позволит себе носить обувь не по размеру. Значит, и в карманах пусто. Фуфел, а не состоятельный господин. А вот молодой мужчина в потертых джинсах со старым, но стильным мобильником уже интереснее. В шлепанцах на босую ногу ходит. Но шлепанцы-то дорогие, из хорошей кожи, мягкие, почти не ношенные, и говорит в трубку культурно, правильно. Так можно говорить, только много книжек прочитав. Очень уж правильный у него русский язык, для этого надо несколько иностранных в совершенстве выучить. Ногти на ногах обработаны, при этом на педераста совсем не похож. Уж тут своему зоновскому чутью Николай мог довериться полностью.

Интересные наблюдения за прохожими оказались прерваны. К бордюру подкатило два новеньких такси – настоящих, с шашечками и фонарями. Из них высыпали шесть молодых женщин лет под двадцать – двадцать пять. То, что их всего шесть, Николай понял, лишь когда сосчитал их. По весе-

лю, «щебету», водоворотному движению казалось, что их не меньше дюжины.

– Простите?

– Разрешите?

Николаю пришлось подвинуться на край скамейки. На другом они уже составляли свои сумки. В рюкзачке мелодично звякнули две-три бутылки...

«Сухое вино, – на слух определил Копоть. – Водка не так звенит. Она ударяет глухо, как булыжник о булыжник».

– Девочки, ничего не забыли? Потом из сауны в магазин не побежишь, – напомнила коротко стриженная блондинка. Началась проверка. Девушки толпились у скамейки, чуть ли не наступая на ноги Николаю. Чувствовалось, что мужчины, во всяком случае на сегодняшний вечер, их мысли не занимают.

– Вино здесь, бокалы тоже... – перечисляла блондинка. – Свечки плавающие у кого?

– Здесь они! – отозвалась шатенка с длинными распущенными волосами.

– И спички у тебя, Тома?

– Я все взяла. И вообще, Наташка, не парься, у тебя же день рождения. Мы обо всем сами позаботились.

«Ага, – решил Николай. – Девичник себе решили организовать. И бабы они приличные, не какие-нибудь прошмандовки».

– А вот я знаю, что мы забыли, – спохватилась шатенка с

распущенными волосами.

Николай машинально вновь посмотрел на нее и оторопел. Девушка так напомнила ему Варьку Попову, что просто стало не по себе. Причем сходство было не очевидным, а еле уловимым, оно проявлялось в тембре голоса, жестах, манере переводить взгляд.

– А забыли мы, подружки, сфотографироваться на память. Не будем же в сауне фотографироваться.

– А чего? Можно и в сауне. Я не ханжа, – вставила блондинка, потрянув короткими волосами. – И не стесняюсь своего тела. Неужели ты, Томка, стесняешься?

– Не люблю, если у кого-то есть на руках компрометирующие меня фотографии.

– Раз уж о фотографиях зашел разговор, то мы и фотоаппарата не взяли.

– Можно и на мобильник.

– У мобильника разрешение плохое, – Тамара присела на корточки у скамейки, расчехлила большой планшетник. – А вот у моего айпода камера не хуже профессиональной. – Становитесь так, чтобы вывеска клуба была видна.

Девчонки стали живописной группой. Тамара стала выправлять кадр, держа планшетник перед собой двумя руками. Полыхнула вспышка.

– А ты с нами не сфотографируешься? – спросила блондинка.

Тамара обернулась, глянула на Николая, тот не успел

скрыть свой интерес к девушкам.

– Если хотите, я могу вас сфотографировать, – предложил он.

– Не откажемся.

Копоть держал в руках планшетник и смотрел на подрагивающее изображение на экране.

– А как он включается? В смысле, как снимает? Я такой техникой раньше не пользовался, – врал он, хотя прекрасно умел обходиться с айподом, просто хотелось поближе познакомиться. – Меня Николаем зовут, а вас, кажется, Тамара?

– Тамара, Тамара, – девушка покосилась на экран, неудовлетворенно покачала головой. – Я вам сейчас кадр выставлю, а вы только нажмете. Справитесь?

– Если на вас не засмотрюсь.

Тамара зашла Копотю за спину, взялась за айпод двумя руками, принялась поправлять кадр.

– Держите так, чтобы дорожка за нами по диагонали шла, а верх обрезайте по карнизу...

Николай чувствовал прикосновение к спине Тамариной груди, хотя саму девушку это обстоятельство совсем не волновало, она, казалось, даже не задумывается о таких мелочах.

– Правильно держу? – Николай чуть перенял пальцы так, чтобы коснуться руки хозяйки планшетника, а в мыслях отметил, что она без обручального кольца.

При этом Копоть никак не мог просечь, чем занимается

девушка по жизни. На студентку не походила. Во-первых, вышла из студенческого возраста – с такими умными глазами после двадцати не поступают, только сразу после школы. Во-вторых, в ней уже чувствовалась самостоятельность, хотя, похоже, сама на жизнь не зарабатывала. Ногти обстрижены коротко – правда, на одном след красного лака.

– А вы, Тамара, чем занимаетесь?

– Не скажу. Держите, не дергайте, а я побежала.

Тамара отбежала к подружкам, Николай нажал на спуск. На экране планшетника осталась фотография.

– Спасибо.

– Не за что. Я понял, кто вы такая.

– И кто же? Ни в жизнь не догадаетесь, – прозвучало хоть и кокетливо, но довольно-таки сдержанно.

– У вас на руке след от краски и руки растворителем пахнут. Но на маляра вы не похожи. Вы художница.

– Угадал, – засмеялись девчонки.

– Художник. Так правильно по-русски говорить даже женщине, – поправила Тамара, по ее лицу было заметно, что ей обидно, слишком быстро ее раскусили. – И это не совсем растворитель, а уайт-спирит.

– Легкого пара вам, – пожелал Николай.

Молодые особы со смехом скрылись за дверью фитнес-центра. Копоть пошел по улице. Вскоре он вернулся с огромной коробкой шоколадных конфет, бутылкой шампанского и букетом цветов, вошел внутрь. Охранник при входе

вопросительно посмотрел на него.

– Братан, там у вас девушки в сауну пошли. Ну, ты понял, о ком я. Так передай им вот это.

– Попробую. От кого только передать?

– Скажи, от фотографа. И возьми за труды, – Николай положил на стойку купюру. – Среди них художница есть. Шатенка с длинными волосами, красивая. Не знаешь, кто такая?

– Внимания не обратил. К нам много народу ходит. Девушки все красивые.

– Я к ночи ближе сюда приду с другом.

– Мы в полночь закрываемся, – пожал плечами охранник, присматриваясь к Копотю повнимательнее.

– Мне так сказали, – Николай почувствовал на себе лишнее внимание и вышел из фитнес-центра.

Глава 3

Чем меньше город, тем в нем меньше искусственного света. Даже поздний вечер может показаться глубокой ночью. Пустынная улица золотилась фонарями. С одной стороны шли ряды пятиэтажек, с другой темнел и таинственно шумел листвою старый парк.

Хранитель воровского общака, семидесятилетний, потрепанный жизнью старик, вышел из дежурного гастронома. В правой руке Индус держал пакет, где лежали жестянка рыбных консервов, буханка свежего, еще горячего хлеба и стеклянная бутылка с пивом. В левой руке уголовный авторитет сжимал самодельную палочку с резным набалдашником – головой черта. Такие поздние походы в дежурный гастроном Индус предпринимал ежедневно – именно в это время на прилавках появлялся свежий формовой хлеб.

Мерно постукивая палочкой по асфальту, Индус пересек улицу и углубился в парк. Так дорога до его дома в частном секторе была вдвое короче, чем если обходить по улице. Редкие фонари вдоль грунтовой аллейки скупо пробивались сквозь густо разросшиеся кроны деревьев. В глубине парка, как в лесу, тревожно вскрикивала ночная птица.

Индус остановился, набрал номер на трубке мобильного. – Пепс, – требовательно сказал он. – Ты его встретил?.. Ну, вот и отлично. Завтра с утраца будьте у меня. К десяти.

Индус отключил мобильник, сунул его в карман. Пустого базара он не любил, если и говорил, то только по делу. Хранитель общака спокойно прошел по деревянному мостику, на перилах которого густо висели прицепленные молодоженами замки с выгравированными именами женихов и невест. Из-под мостика метнулась по воде, застучала крыльями встревоженная поздним прохожим утка.

– Чего, дура, боишься? – усмехнулся Индус и почесал на лбу родимое пятно.

Что-то оно последнее время стало его беспокоить, разрасталось. А это было плохим знаком. Теперь Индусу оставалось пройти детскую площадку, тир и выйти в ворота, прямо к своему дому. Сзади внезапно послышалось урчание мотора, полыхнули фары. Машина катила прямо по аллейке. Индус отступил в сторону, давая дорогу. Но автомобиль мимо не проехал. Полицейский «УАЗ» повернул на траву, высветил фарами авторитетного вора и замер. Хлопнули дверцы.

Индус приложил ладонь козырьком к глазам, но рассмотреть смог лишь силуэты троих одетых в форму мужчин.

– Свет выключи! – крикнул он.

– Не ослепнешь.

Один из мужчин подошел поближе, двое остались у машины.

– А, сам главмент пожаловал, – осклабился на начальника местного ОВД законник. – И чего это не спится? – покопился он на сверкнувшие на погонах в лучах фар звездочки

подполковника.

– Не боишься вот так один по парку ночью ходить? – при-
шурился на родимое пятно подполковник Гандыбин.

– Чего ж бояться, если совесть чиста, – усмехнулся закон-
ный. – А если ты про самого себя, то было б за что посадить
меня, давно б уже посадил.

– Посадить дело нехитрое, – нервно усмехнулся началь-
ник ОВД.

– Ну, если признал меня и вопросов ко мне больше не
имеется, гражданин начальник, то я пошел. Хлеб остынет.
Горячим брал.

– Никуда ты отсюда не пойдешь.

Индус уже заметил, что остальные двое, бывшие с подпол-
ковником, находятся не у машины, а зашли к нему сзади.

– Ты что, ментяра позорный, задумал, – лицо законного
вмиг стало страшным. – На кого и на что хавальник раскрыл?
Если с моей головы хоть один волос упадет, тебя братва на
лапшу порежет. Да и я живым не дамся.

Хранитель воровского общака оценил ситуацию верно.
Подполковник-таки решил позариться на «святое» – общак.
Гандыбин рассчитал все по пунктам. Если раньше он только
подозревал, что именно Индус хранит общаковые деньги, то
теперь знал это точно. Информацию про решение сходняка
ему слили. Грех было не воспользоваться ею. Теперь, когда
менялась кандидатура хранителя, можно было рискнуть вы-
бить у Индуса, где тот прячет воровское лаве, и прикарма-

нить его. А затем смерть авторитета списать на подставного. Как избавляться от лоха, поведшегося на ментовские угрозы и разводки, сделавшего «чистосердечное признание» и «явку с повинной», подполковника учить не надо было: повесился в камере, выпрыгнул из окна во время допроса... Вариантов хватало. Подходящего наркомана, шизика, невменяемого бомжа всегда отыскать можно.

Гандыбин вытащил пистолет, снял его с предохранителя, демонстративно передернул затвор и нагло прицелился прямо в родинку на лбу законного.

– А мишень-то у тебя на лбу не зря нарисована.

– Я ж тебе все равно не скажу, где общак хранится. А братва узнает, и дня не проживешь, – Индус говорил уже не для того, чтобы попытаться достучаться до разума мента, а лишь затем, чтобы заговорить зубы и оттянуть время.

– Про сыворотку правды слыхал? Есть у меня и такая. Вколю, все скажешь, – развязно произнес подполковник. – Вот только один у нее побочный эффект имеется. Штаны марают от нее даже самые стойкие...

Индус, не оборачиваясь, махнул пакетом за спину и разжал пальцы. Попал пивной бутылкой точно в голову подбиравшегося к нему сзади мента. Затем, не останавливаясь, развернулся и врезал палочкой по запястью второго. Пистолет вылетел из пальцев и ускакал в давно не кошенную траву. Палочка-то оказалась не простой – высверленной изнутри, а отверстие было на всю длину залито свинцом.

– Ёо... – только и выкрикнул полицейский с перебитыми пальцами.

Индус, петляя с удивительной для его возраста прытью, резво побежал в темноту.

– Стой, бля! – подполковник бросился следом, боясь случайно нажать спусковой крючок.

Индус был ему нужен живым.

Ноги путались в высокой траве, бешено колотилось сердце, кровь стучала в висках. С разбегу законный налетел на густо разросшиеся кусты, проломился сквозь них. Сзади хрипели и матерились преследователи. До ближайшего фонаря оставалось метров двести, а потому даже вблизи было трудно что-либо рассмотреть.

Индус побежал с горки, впереди призывно светилась фонарным светом улица. Он рассчитывал уйти во дворы. Главмент не рискнет напасть на него при возможных свидетелях. В густой траве хранитель общака не заметил лестницы, сложенной из бетонных плит. Нога провалилась в пустоту. Индус взмахнул руками. Инерция бросила его вперед. Не удержав равновесия, он покатился по крутой лестнице, ведущей к спасительной улице. Головой ударился о парапет, раздался ужасный звук, словно кочан спелой капусты бросили на бетонный пол.

Часто дышавший Гандыбин остановился, всмотрелся в темноту, прислушался. Ни стоны, ни шороха из травы не доносилось.

– Что это было? – нащупывая ногой ступеньки, он стал опасливо спускаться.

Один из ментов подсветил фонариком. Индус лежал ничком, уткнувшись темечком в каменный парапет.

– Переверни, – приказал подполковник.

Когда Индуса перевернули, то в его остановившихся глазах отразилось ночное небо. Гандыбин приложил палец к шее законного, не ощутил биения артерии, беззвучно сплюнул.

– Сдох, зараза. Как некстати сдох.

Безжизненное тело осталось лежать на поросших травой ступеньках. В глубине парка заурчал двигатель. Полицейский «УАЗ» развернулся и покатил к выезду из парка.

* * *

Двое бомжей неторопливо шли по пустынной улице. Над тротуаром нависал крутой откос парка.

– Стой, отлить надо, – беззлобно попросил бомж, одетый в старое кашемировое пальто, подобранное у мусорных контейнеров.

– Раз надо, значит, надо, – миролюбиво согласился бомжара в болоньевой куртке.

Кашемировый стал справлять нужду прямо на асфальт, пристально следя за тем, чтобы не забрызгать пыльные ботинки.

– Менты, – прошептал болоньевый и указал рукой на приближающийся по улице «УАЗ».

Оба асоциальных элемента тут же юркнули в кусты. Машина проехала, не останавливаясь.

– Пронесло, – кашемировый сделал шаг к улице, за что-то зацепился и упал.

Обладатель болоньевой куртки коротко хохотнул.

– Да тут чмырь какой-то пьяный разлегся, дрыхнет. Может, у него бабки на кармане есть? Или бутылку не допил? – кашемировый щелкнул зажигалкой.

Тусклый свет выхватил из темноты лицо Индуса.

– Так это ж не чмырь, а жмурик, – испуганно отпрянул болоньевый.

– Теплый. Может, и живой еще.

– Сваливаем на хрен.

– Погоди, не дело человека бросать. Надо «Скорую» вызвать. Вон, когда ты пьяный на остановке зимой замерзал, люди же «Скорую» тебе, а не ментов вызвали.

– Можно подумать, у тебя мобила есть?

– У него должна иметься, – кашемировый похлопал Индуса по груди, отыскал мобильник. – Але, «Скорая»?.. Тут человек без сознания на улице... Шел, шел, да упал... возле парка, напротив почты... Кто вызывает?.. Случайный прохожий... Фамилия моя вам зачем?.. – кашемировый обменялся взглядом со своим спутником и выключил трубку, поколебался и опустил мобильник в карман Индусу.

Вдвоем они стащили Индуса на асфальт так, чтобы его было видно с дороги, и быстро-быстро скрылись во дворах. Откуда и принялись наблюдать.

– Теперь быстро приезжают, – похвалил оперативность «Скорой» обладатель болоньевой куртки, глядя на то, как носилки с телом исчезают в машине.

– Хорошее дело сделали, – резюмировал кашемировый. – На том свете нам зачтется. Видал, они его с головой не накрывали, значит, живой.

– Хорошее-то, хорошее, но только никто нам за него наливать не собирается. Зря ты мобильник не взял.

– Да там модель старая, такую теперь даже за бутылку никому не загонишь.

Глава 4

В бассейне фитнес-центра «Парадиз» неярко горел свет. По поверхности воды плавали зажженные ароматические свечи. Кое-где на парапете висели бокалы с красным вином. Обнаженные девушки, разморенные парилкой, беззаботно плескались.

– А ты, Томка, классно придумала девичник в бане с бассейном устроить, – коротко стриженная блондинка выбралась на парапет, вытираться не стала, лишь отряхнулась от воды, застелила простыней шезлонг и устроилась возле журнального столика с фруктами, впила зубами в мягкую грушу. Тут же на столике висела неоткрытая бутылка шампанского, наполовину опорожненная коробка шоколадных конфет и огромный букет цветов.

Тамара тоже выбралась из воды, хлебнула вина из бокала, села, положила на колени планшетник, вытерла руки о простынь и принялась «листать страницы». Блондинка перегнулась через столик, заглянула на экран.

– Ну у меня и глаза красные получились, как у вампира, – сказала она, разглядывая фотографию, сделанную возле фитнес-центра.

– Фотошоп все исправит. Я улучшу и всем по электронке вышлю.

– Дай-ка погляжу, – планшет переключал в руки блон-

динки, она острым ноготком пару раз ударила в сенсорный экран и тут же присвистнула. – Ну и картиночки ты у себя держишь! Прямо тебе порнография.

– Кто тебе разрешал в мои фото лезть? – возмутилась Тома. – И никакая это не порнография, а эротика. Направление в искусстве такое есть. Обнаженная натура. Каждый настоящий художник должен уметь обнаженное тело рисовать.

– Рисовать – я еще понимаю. А это же фотография. Ты что, сама фотографировалась? – блондинка рассматривала черно-белое изображение.

На экране планшета была изображена обнаженная девушка с занавешенным распущенными волосами лицом. Резкие светотени лишь слегка обозначали бок незагорелого тела.

– Я свою первую персональную выставку готовлю, – как бы оправдываясь, принялась объяснять Тамара. – «Свет и тьма» называется. Там и мои картины будут, и фотографии того, что я пишу, рисую. Чтобы зритель сразу видел, что имелось в реальности и что из этого получилось на холсте.

– Везет тебе, Томка Гандыбина, – усмехнулась блондинка, листая планшет. – Жизнь у тебя интересная. Выставки, пленэры. Со знаменитостями иногда встречаешься. Хорошо тебе за папашкиной спиной.

– Не завидуй. Иногда мне его ментовская профессия боком вылезает.

– В тебя словно магнит встроен. Все тебе легко дается.

Даже перед входом в фитнес-центр этот мужик почему-то на тебя одну внимание обратил. Цветы вот прислал, конфеты, шампанское. А чем другие девчонки хуже? Почему на них не смотрел?

Девичник шел своим чередом. Девушки чувствовали себя абсолютно раскованными. А чего стесняться? Это в одной компании с парнями нужно думать, что говоришь, что делаешь, какое впечатление производишь. Иногда так хочется побыть собой, без посторонних глаз, с подругами...

...Но насчет посторонних глаз Тома Гандыбина и ее подруги ошибались. Их беззаботностью нагло пользовались, не спросив разрешения. Владелец фитнес-центра – молодой хлыщ Валерий Лаврецкий – сидел в своем кабинете. Дверь предусмотрительно была закрыта изнутри на ключ. На куске фольги змеилась дорожка белого порошка. Валерий приложил к ней серебряную трубочку, втянул порошок сперва одной, потом другой ноздрей, блаженно прикрыл глаза, а затем вернулся к прежнему нескромному занятию. На экране его компьютера было изображение со скрытых камер наблюдения, установленных в бассейне, в том числе и под водой. Щелкая мышкой, Валерий укрупнял изображение, менял ракурсы. Больше всего его интересовала Тамара. Он, плотоядно облизываясь, бесстыдно разглядывал ее обнаженные прелести, в глазах прыгали, вспыхивали чуть сумасшедшие наркотические огоньки.

– Вот же есть дуры, которые бреются. А ведь самая пре-

лесть заключается в другом, – всматривался он в темневший внизу живота Тома темный треугольник.

Молодой хозяин хлыщеватого вида покосился на часы, с досадой вздохнул, надел на голову наушники с прикрепленным к ним микрофоном, включил громкую связь и притворно ласково произнес:

– Уважаемые посетительницы и посетители «Парадиза». Мне очень жаль сообщать это, но через пятнадцать минут наш фитнес-центр закрывается.

...Голос Валерия, усиленный динамиками, разлетелся над бассейном.

– Что поделаешь, девочки, придется собираться, – сказала Тома. – Еще волосы высушить надо.

Завернувшись в простыни, молодые особы перебрались в небольшую комнатку, где висела их одежда. Тома положила планшетник на шкафчик и стала торопливо одеваться. Загудели фены. Девушки толкались у зеркал, поправляя волосы.

У выхода из фитнес-центра их уже поджидал Валерий Лаврецкий, он держался достаточно нагло, загораживая собой стойку охранника. Блеск в его глазах свидетельствовал о том, что он втянул в себя еще одну дорожку.

– С легким паром, девочки, – проговорил он, но при этом смотрел только на Тамару.

Гандыбина буквально прочувствовала, как он «раздевает» ее взглядом. Она понимала, что Валерий смотрит на нее одетую, но видит обнаженную со всеми подробностями.

– Спасибо, – холодно ответила она, проходя мимо Лаврецкого.

Тот взял ее за руку.

– Может, задержитесь?

– Мы спешим.

– Тогда давайте договоримся встретиться с вами завтра. А, Тамара? Мы же не совсем чужие люди.

– Валерий, не приставайте к своим клиенткам. Не будьте навязчивым. А то мы можем и другое заведение для себя присмотреть. Не пилите сук, на котором сидите. Вас же фитнес-центр кормит, поит и одевает. Не уменьшайте свою прибыль.

Лаврецкий неожиданно громко захохотал, словно хотел дать понять, что официальная прибыль от фитнес-центра – это капля в море, которая ничего не может изменить в его жизни.

– А вы подумайте, – бросил он вдогонку Тамаре.

Девушки оказались на улице. Беседовавший неподалеку с Пепсом Николай Копоть обозначил движение к ним, но те уже рассаживались в два такси.

– Не успел, – Копоть вернулся к Пепсу.

– Я-то думал, ты ностальгическим воспоминаниям о детском доме предавался. А ты, оказывается, на телок заглядывался. Аппетитные... Распушились после бани. Но не мой размер. Сейчас ты о них быстро забудешь.

Пепс уже подталкивал Копотю к входу. Валерий вопроси-

тельно посмотрел на Николая.

– Этот со мной, – отрекомендовал спутника Пепс.

– Проходите, – разрешил охранник.

– Я же говорил тебе. Тут фейс-контроль на высшем уровне. Никто чужой не попадет.

* * *

Честно говоря, Николай не так представлял себе фитнес-центр изнутри. Тут сейчас готовилось явно что-то неправильное. Повсюду сновали молоденькие миниатюрные азиатки, то ли китаянки, то ли вьетнамки, этого Николай не мог понять. Они были похожи друг на друга, как сестры-близняшки. Изо всей одежды на них имелись лишь короткие переднички. Эти миниатюрные азиатки отодвигали к стенам тренажеры, на освободившееся место ставили столики, сервировали их. В других помещениях словно ниоткуда, сами собой возникали столы, покрытые зеленым сукном, и нераспечатанные карточные колоды. Спортивные залы, раздевалки превращались в игорное заведение и притон. Пепс вел Николая по лабиринту бывшего бомбоубежища.

– Я же говорил тебе, лучшее в городе. Нам туда. Можешь себе пару девочек присмотреть. Тут с этим без проблем. Они такой массаж умеют делать, закачаешься. Одна мне на спор точку на лбу одним указательным пальцем массировала, а я от этого в натуре кончил. Представляешь?

Николаю не нравилось место, куда они попали. Тут уже явственно пахивало дымом «травки», а ведь еще ничего не началось.

– Баб я сам привык себе искать, – заявил Копоть. – Таких, которые только со мной. Баба, она, как зубная щетка, должна быть одна и только твоя.

Пепс хохотнул.

– Как хочешь. А вот я не откажусь. У меня тут тоже одна есть – постоянная.

Он толкнул дверь, за ней оказалась чистенькая комната, отделанная под терем. Длинный стол мог вместить и десять человек. В деревянном буфете сверкала посуда. За стеклянной дверцей бара поблескивали разнообразные бутылки. В углу на стуле, повернувшись лицом к спинке, по-кавалеристски расставив ноги, сидела молодая азиатка. На ее губах тут же появилась приторная, ничего, кроме готовности, не выражающая улыбка. Влажный горячий воздух, шедший из-за неплотно прикрытой дощатой двери, свидетельствовал, что рядом расположена сауна. В общем, классический набор для расслабухи.

– Что бухать будем? – поинтересовался Пепс. – Вискаря тут немерено.

– Лучше обычную водяру, – отозвался Копоть. – И без фанатизма.

– Понятно. Хочешь к смотрящему за общаком свежим завалиться.

Николай с осуждением глянул Пепсу в глаза. Мол, какого черта он говорит о таких вещах при какой-то бабе-проститутке.

– Она по-нашему ни хера не понимает, хотя язык у нее подвешен что надо. Созреешь, попробуешь, – тут же прояснил ситуацию Пепс. – Можешь считать ее глухонемой. А вот язык жестов освоила в совершенстве.

Пепс щелкнул пальцами и указал на стол перед собой. Азиатка мгновенно поднялась со своего места, раскатала перед гостем кусок фольги, насыпала на него белого порошка и подровняла его игровой картой, после чего вопросительно посмотрела на Николая. Тот отрицательно покачал головой.

– Не употребляю, – и потянулся за водкой.

Пепс картинно скрутил из пятидесятидолларовой купюры трубочку, нюхнул сам и предложил азиатке. Та не стала отказываться, нюхала, жадно подбирая крошки, оставленные ей.

Копоть глотнул водки, и тут же ему почему-то вспомнилась улыбчивая Тамара. Было приятно думать о том, что она была где-то здесь, казалось, что даже остался в воздухе запах ее волос.

* * *

...Напротив фитнес-центра остановилась легковая машина. Средних лет кавказец, поигрывая ключами, перебежал улицу, подошел к наглухо закрытой двери. В руке он держал

небольшой сверток. Толстый палец вдавил кнопку. Звонok еле слышно отозвался по ту сторону бронированной двери. Несмотря на ночной «нежилой» вид фитнес-центра, кавказец звонил настойчиво, словно наверняка знал, что внутри кто-нибудь есть. Наконец лязгнула небольшая форточка, за зарешеченным окошком возникло лицо охранника.

– Лаврецкий у себя? – поинтересовался кавказец.

– Нет его сегодня, Ахмад, – сказал охранник и отвел лживые глаза в сторону.

– Зачем врешь? – воззвал к совести Ахмад. – На месте он, я знаю.

– Он сказал так отвечать, – прозвучало в ответ.

– А я тебе говорю, что он нам бабки должен. Ты человек подневольный, понимаю, но и я не один. Не только за своим пришел. Товар брал – платить должен. Если не пустит меня, мои счетчик включат. Так и передай.

– Ладно, – охранник вдавил кнопку селекторной связи. – Валерий Викторович. Тут Ахмад. Что-то про счетчик говорит...

Из селектора донеслась не вполне разборчивая ругань, которую смог безошибочно расшифровать только охранник.

– Проходи, – сказал он.

Кавказец шагнул в открывшуюся дверь. Провожатый ему не требовался, закоулки бывшего бомбоубежища он знал хорошо. Ахмад потянул на себя дверь кабинета хозяина заведения и зашел внутрь. Лаврецкий сидел за столом, даже не

сидел, а развалился в кресле. Он и не попытался убрать растеленный кусок фольги со следами порошка.

– Я же сказал, что заплачу. Значит, жди.

– Я бы, может, и подождал. Но Урал ждать не хочет. Он слово свое держит. Вот товар, – Ахмед продемонстрировал сверток. – Но если не заплатишь долг, я с ним отсюда и уеду.

– Кто ты такой, чтобы мне указывать?

– Меня Урал прислал.

– Наклонись, я тебе что-то скажу, – прошептал Лаврецкий. – Отдам я долг, не волнуйся, – он выдвинул ящик письменного стола.

Ахмед оперся о столешницу, подался вперед.

И тут Валерий прытко прижал его голову, ствол выхваченного из ящика пистолета вдавил в затылок.

– Ты, Снегурочка, – безумный шепот лился прямо в ухо кавказцу. – Ты не будешь мне приказывать. Понял?

– Ствол убери, – попросил Ахмед. – Всегда договориться можно.

Валерий схватил сверток, потянул на себя, но кавказец не разжимал пальцы...

...Такси остановилось перед домом Гандыбиных. Тамара машинально глянула на окна. Света нет. Значит, отец еще не вернулся со службы.

– Сколько с меня? – спросила она и полезла в сумку за кошельком.

Таксист даже не успел назвать сумму.

– Черт, я планшетник забыла, – спохватилась Тома. – Назад едем, возвращаемся. Быстрей.

– Возвращаемся так возвращаемся, – флегматично отозвался таксист, разворачивая машину.

* * *

Тома кляла себя в мыслях. На планшете хранились файлы, предназначенные для ее первой персональной выставки. А там были фотографии ню не только профессиональных натурщиц, но и ее самой, подруг. Конечно, ничего «страшного» они собой не представляли. Но это в каком контексте их представлять. Одно дело – на художественной выставке. Другое – если какой-нибудь идиот вывесит их в Интернете на любительском порносайте с подписью «моя бывшая». А ведь планшетник не был защищен никакими паролями, просто включай и смотри все, что на нем есть. Даже пусть и не вывешат, а просто залезут посмотреть, приятного в этом мало.

– Подождите меня, – бросила таксисту Тамара и подбежала к запертой двери фитнес-клуба, постучала кулаком в за решеченное окошечко и только потом отыскала звонок.

С минуту никто не открывал. Потом все же охранник решился, узнал девушку на экране домофона. Все-таки он помнил, что хозяин неровно дышит к Тамаре.

– В чем дело? – спросил он в приоткрытую дверь.

– Извините, я планшетник у вас забыла. В раздевалке, на шкафчике...

– Проходите, постараюсь помочь.

Охранник попросил Тому подождать у стойки, а сам пошел в раздевалку. Он уже вернулся с планшетником, отдал его Тамаре и продолжал отказываться от чаевых «за беспокойство», как в глубине фитнес-центра громыхнул выстрел. Охранник смолк на полуслове. Купюра выпала из рук девушки. Послышались торопливые шаги, а затем последовал женский визг. В конце коридора мелькнула голая азиатка в коротком передничке.

– Да он же его завалил! – донесся крик. – Идиот!

Наконец-то охранник пришел в себя.

– У нас корпоратив сегодня. Перепились. Развлекаются. Все в порядке, – и он буквально вытолкнул Тому на улицу.

Та постояла, прислушиваясь к суматохе за дверью, и быстро зашагала к такси, прижимая планшетник к груди.

* * *

Николай Копоть, услышав выстрел, тут же выглянул за дверь.

– Пепс, что за херня творится? – обратился он к приятелю, у которого на коленях сидела азиатка.

– А я почему знаю? – отозвался тот. – Хочешь, схожу раз-

ведаю.

Именно в этот момент раздался женский визг и крик о том, что «он же его завалил».

– Нечего и ходить. Сваливаем отсюда. Тут скоро менты появятся, – резюмировал Николай.

Пепс, хоть и был обдолбанный, спорить не стал. Собрался быстро. В коридорах фитнес-центра царила суета. Персонал, как мог, успокаивал посетителей.

– Стреляли из травматика, – с серьезным лицом объяснял охранник. – Такое иногда случается. Ну, перебрал человек. С кем не бывает. Никто не пострадал. Отдыхайте...

Взбудораженный посетитель в эту версию поверил охотно, вернулся за карточный стол, ведь брошенный впопыхах веер обещал ему немалый выигрыш. А вот Николая уговорить остаться не удалось.

Он широко шагал по улице, немного очухавшийся Пепс еле поспевал за ним.

– Чего ты? – бурчал он. – Место надежное. Может, и в самом деле из травматика кто-то по дурасти пальнул. У Лаврецкого все схвачено.

– Ты хочешь спалиться? Так возвращайся. Там полный набор: притон с блядами и дурью. Казино подпольное. Только меня в это не втягивай.

– Да ладно тебе. Без обид, я ж как лучше хотел.

В кармане у Пепса запиликал мобильник.

– Если будут уговаривать вернуться, посылай... – преду-

предил Копоть.

– Нет. Это Индус звонит. Поздновато как-то для него, – Пепс предварительно откашлялся и только тогда поднес трубку к уху.

Говорил он недолго и растерянно пообещал:

– Сейчас приеду.

Тревога передалась уже и Копотю.

– Чего там?

– Индус в реанимацию угодил. Его на улице нашли. Это медсестра с его телефона звонила, чтобы его личность выяснить. Мой номер последним в списке звонков стоял.

– Погнали, – Копоть выбежал на середину улицы, махнул рукой проезжавшей машине.

Водитель хотел его объехать, но Николай чуть ли не прыгнул ему под колеса. Взвизгнули тормоза.

– Что, идиот, делаешь? Напился? – возмущенный водитель выглянул в окошко, – однако, встретившись взглядом с Николаем, тут же осекся, поняв, что дело серьезное.

– Слышь, братан. В больницу очень надо. Хорошему человеку там плохо.

– Садитесь. Подброшу.

Водитель даже не взял денег, благо больница была недалеко.

Молодой реаниматолог в зеленых бахилах стоял на лестничной площадке и нервно курил, по привычке не прикасаясь к сигарете пальцами, сжимал ее в губах. Пепс, уже выслушав то немногое, что мог сообщить ему врач, напористо наезжал на медика.

– ...Он человек авторитетный. Ты, лепила, вижу, толковый, уж постарайся. Все возможное сделай для него. А то братва может и не понять тебя. Хорошо забашляю.

– Я и так все возможное сделал, – отвечал «лепила», пуская дым кольцами в темное оконное стекло. – А деньги свои заберите.

– Ты что так на наколки мои смотришь, брезгуешь?

– Не в этом дело. Не возьму сейчас, примета плохая. Вот если потом...

– Бери, лепила.

– Хочешь помочь? Моя машина возле больницы стоит, привези, залей канистру девяносто второго. А большего я для него сделать не могу.

– Жить будет? Честно скажи.

– Если честно, не знаю. А вот ходить у него уже не получится никогда. Факт. И заговорит вряд ли. Шутка ли, час в коме пролежал. Потом я его с того света вернул. Череп вскрывал. Осколки кости из мозга доставал.

– Дела, – помрачнел Копоть.

Реаниматолог поплевал на сигарету и затушил окурочек в жестянке из-под растворимого кофе. На площадку вышла медсестра в облегающем коротком халате.

– Александр Петрович, – обратилась она к реаниматологу. – Пациент в себя пришел.

– Наш? – тут же напрягся Пепс. – А ну пошли.

– Он не разговаривает. Только смотрит, – заступилась медсестра. – Не надо его беспокоить.

– Идем, идем, сестричка, – Пепс стал подталкивать медиков к двери с табличкой «РЕАНИМАЦИЯ».

– Я охрану вызову!

– Не надо охрану вызывать, – махнул рукой реаниматолог. – Только халаты пусть наденут.

Индуc лежал на высокой кровати. К его носу тянулись прозрачные трубочки. Голову покрывали бинты, оставляя открытым одно лишь лицо. Восковые, словно обтянутые сморщенной пергаментной кожей, руки лежали поверх одеяла. Разрисованная зондовскими татуировками грудь – в датчиках. Над кроватью пульсировал неровной линией осциллограф.

Живыми у Индуса оставались только глаза. Они, блекло-синие, как выцветшее летнее небо, двигались, перебежали с реаниматолога на Пепса, с Пепса на Копотю.

Хранитель общака смотрел зло. Николай первым догадался, чего тот хочет.

– Он нас слышит? – спросил он у реаниматолога.

– Думаю, что да. Вот понимает ли? Вы понимаете меня? – молодой медик заглянул пациенту в глаза.

Взгляд стал еще более злым.

– Пепс. Скажи законному, кто я, – попросил Копоть.

– Это Колян, – кивнул Пепс на Копотю. – Мы завтра к тебе собирались с утра. Да вот, раньше встретились. Кто тебя так?

Ясное дело, вопрос остался без ответа.

– Мне подойти? – спросил Николай. – Если «да», один раз моргните. Если «нет», то два.

Индуc мигнул один раз. Копоть склонился над ним, заглянул в глаза.

– Теперь главное, чтобы общак ментам не достался. Он в доме? – прошептал он на самое ухо.

Индуc словно сомневался, стоит ли доверять Копотю, затем тяжело задышал и успел один раз моргнуть, затем веки его судорожно закрылись.

– Я же говорила, что нельзя его беспокоить. Уходите отсюда, – возмутилась сестра.

– Все, что мог, – резюмировал реаниматолог.

Все трое вышли на площадку. Постояли, помолчали.

– Что ж сделаешь, жизнь, – проговорил Николай.

Внизу на ночной лестнице слышались шаги и голоса.

– Реанимация у нас на четвертом, товарищ майор. А доктор, который ему операцию делал, должен на месте быть. Вот

у него и спросите.

– Менты, – заглянул через перила Копоть. – У вас тут другой выход есть? – спросил он у медика.

Тот отрицательно качнул головой.

– Только по этой лестнице.

– Не хочу с ними встречаться.

– Наверх поднимемся, – предложил Пепс, сунул реаниматологу деньги в карман халата. – Машину свою сам заправишь.

Сбросив халаты на подоконник, Пепс с Коляном поднялись на два марша выше, к двери, ведущей на чердак, присели, выглядывая через перила вниз. Вскоре внизу показались сорокалетний мужчина в костюме и медик-интерн.

– Старший оперуполномоченный Анкудов, – представился дознаватель реаниматологу, показывая удостоверение. – У вас в отделении находится пожилой мужчина с проломленной головой, которого доставили сегодня вечером?

– У меня.

– Можно задать несколько вопросов? Я тут в первую очередь для того, чтобы установить его личность.

– Проходите, пожалуйста, – чуть заметно покосившись наверх, предложил реаниматолог.

Николай и Пепс сбегали по лестнице.

– Ты что про этого следака Анкудова знаешь? – на ходу спрашивал Копоть.

– Если менты бывают порядочными, то это как раз тот слу-

чай. Честный мент, – пояснил Пепс.

– Его Павлом зовут?

– Да, – удивился Пепс. – Павел – это точно, и еще Игнатьевич, кажется. Ты пересекался с ним, что ли?

– Пришлось круто пересечься. Только давно это было, в детдоме еще. Потом как-нибудь расскажу, если придется. А теперь давай по-быстрому к дому Индуса. Он вроде как в частном секторе живет? Далеко отсюда?

– Рядом, если через парк идти. Можно и пешком прогуляться.

* * *

Пепс с Николаем, сами не подозревая об этом, прошли тем самым маршрутом, каким хранитель общака направлялся сегодня в свой последний путь. Пустынный парк, звездное небо над головами, редкие фонари.

– И у какой же это суки рука на старого вора поднялась? – недоумевал Пепс. – Может, случайно под замес попал? Или сам упал? Темно же тут, хоть глаз выколи, споткнуться не сложно.

– Ты уже как мент рассуждаешь, – скривился Копоть. – Мол, при падении с высоты роста ударился головой... С такими людьми, как Индус, случайностей не бывает.

– Тоже верно, – согласился Пепс.

– Единственное, что мы на сегодня знаем, и это сам Индус

подтвердил, общак в доме спрятан.

Впереди уже виднелись ворота – выход из парка. Пепс поперся прямо в них, не останавливаясь. Копоть схватил его за шиворот и зашептал.

– Стой...

– Ты чего?

– Видишь, машина стоит, – Николай указал рукой на неприметные «Жигули», припаркованные под старым деревом.

– Да тут много тачек торчит, – не понял смысла предостережения Пепс.

– Это дом Индуса? – Копоть подозрительно щурился.

– Он самый. Единственный без стеклопакетов на всей улице. Старик правильный вор, старой закалки, ни в чем не шикует.

– А «Жигули» точно напротив дома стоят. Внутри двое, – добавил Копоть.

– Думаешь, наружная слежка? – стал догонять Пепс.

– Именно. Если бы внутри мужик с бабой сидели, я бы не удивился. Для любовников самое место и время в машине по быструхе перепихнуться. А чего тут посреди ночи двум мужикам делать? Даже не выпьешь, одному из них потом за рулем сидеть.

– Точно, «наружка», – согласился Пепс. – Хотя чему удивляться? Индус в реанимацию угодил. В ментуре о том, что он «в законе», уже не первый год знают. Вот и поставили топ-

тунов посмотреть, кто заявится.

– А тебе не кажется странным, что «наружка» тут пастись начала еще до того, как личность Индуса установили? Опер Анкудов, когда в больнице появился, еще не знал, кто именно туда с проломленной головой угодил.

– А ведь так и есть, – Пепс хлопнул себя ладонью по лбу. – Выходит, это менты могли руку приложить?

– Выходит, так. Так что рисоваться нам перед ними сейчас не стоит. Ты уверен, что Анкудов честный мент?

– Насчет этого не сомневайся.

Глава 5

Начальник местного ОВД подполковник Гандыбин даже не предложил майору Анкудову присесть. Тот стоял в кабинете своего начальника. Павел уже выложил все свои аргументы, но ни один из них не возымел действия на подполковника, тот продолжал гнуть свою линию.

– ...Ты это что, майор, развалить уголовное дело хочешь? Люди старались, работу свою делали, а у тебя свое мнение, получается?

– Люди могут и ошибаться, – заметил старший оперуполномоченный. – Иногда искренне, а иногда и с умыслом.

– И ты ошибаться можешь, – самодовольно заметил Гандыбин. – Только почему-то у тебя в обоих случаях по-другому выходит. Что, остальные все дураки? Но тогда и ты не очень умный... У нас все есть! И явка с повинной налицо, и свидетельские показания имеются. А ты хочешь сознавшихся преступников отпустить на все четыре стороны! Из-за тебя план по раскрытию «особо тяжких» летит!

Анкудов вздохнул, понимая, что до разума, а тем более до совести начальника ОВД не достучаться, однако предпринял еще одну попытку.

– Признательные показания из бомжей выбили, вещдоки им элементарно подбросили. А если на суде потом это все всплывет?

– Не всплывет. У нас контакт с судебной системой налажен, – напомнил подполковник.

– Если вы считаете, что можно посадить в тюрьму невиноватых людей, то подумайте хотя бы о том, что настоящие преступники останутся на свободе. Они, почувствовав безнаказанность, будут и дальше бесчинствовать. Что, нам и дальше невинных подставлять? Вы бы хоть о безопасности своей дочери подумали, товарищ подполковник. Она не в космосе, а в нашем городе живет.

Гандыбин выслушал Анкудова с каменным лицом и вскинул руку, останавливая.

– Так, а теперь слушай сюда. Вот ты мне тут распрягаешь, будто бы фитнес-центр «Парадиз» – это какой-то притон с наркотиками и борделем, в котором обитают какие-то мифические азиатские проститутки. А в городе их почему-то никто и никогда не видел. Этот фитнес-центр, кстати, моя дочь посещает. Отпустил бы я ее в подобное место? А еще ты мне распрягаешь, будто бы уважаемый хозяин заведения господин Лаврецкий прямо в своем кабинете пристрелил кавказца – торговца наркотиками. Допустим, я поверю в твой бред. Но доказательства где? Где следы крови? Где проститутки? Где твои свидетели?

– Свидетели были, но потом отказались от своих показаний под давлением. Торговец наркотиками был застрелен Лаврецким, труп он вывез за город и закопал.

– Чушь! – Гандыбин ударил кулаком по столу. – На хрена

ему было убивать? Ты мне говоришь, что пропали записи камер наружного и внутреннего наблюдения в фитнес-центре и это, мол, говорит в пользу виновности Лаврецкого и о халатности следствия свидетельствует. А эксперты русским языком по белому пишут, что в компьютере завелся вирус и он эти самые записи уничтожил. Почему я должен верить твоим домыслам, а не заключению экспертов? У нас есть признание двух бомжей, которые сознались в убийстве кавказца. Они же на следственном эксперименте уверенно показали место, где закопали труп. Еще они сознались в том, что ударили по голове вора в законе Индуса с целью ограбления. А ты хочешь разрушить все, что добыло следствие? Ты убийца готов выпустить. Все, майор, кончилось мое терпение...

Подобные разносы Анкудов получал от своего начальника и раньше. Уж больно принципиальным был оперуполномоченный. Но на этот раз подполковник Гандыбин не ограничился только словами. Майор Анкудов получил «неполное служебное соответствие». Его отстранили от всех дел. Вдобавок подполковник вспомнил, что опер уже три года подряд не ходил в отпуск, и, заставив его написать рапорт, посчитал, что счастливо избавился на время от «честного мента», который докопался до правды. Подполковник имел все шансы за это время исправить «косяки», в которых был лично заинтересован, и надежно спрятать концы своих грязных дел.

Первым делом Гандыбин отправился в больницу. Следовало убедиться, что Индус для него опасности не представляет. Подполковник сильно жалел о том, что поленился в ночном парке пару раз приложить законного головой к камню. Чтоб наверняка отправить его на тот свет. А еще он проклинал в душе врача, сумевшего оживить хранителя воровского общака.

Молодой реаниматолог встретил главмента на площадке, предложил надеть халат и повел в палату. Подполковник справедливо подозревал в каждом уголовнике искусного обманщика. Он не понаслышке знал, как зэки умеют симулировать болезни и психические расстройства. А вдруг и Индус на самом деле только притворяется онемевшим и бесчувственным, а на поверку окажется, что говорить может.

– Приходили к нему дружки? – поинтересовался Гандыбин.

– Были двое, – не стал врать медик.

– Кто такие?

– Татуированные. Точнее не скажу, не знаю. Я документы спрашивать не обязан.

Гандыбин шагнул в палату. Индус тут же открыл глаза и с ненавистью глянул на подполковника. Начальник ОВД был почти полностью уверен, что, будь Индус сейчас в состоянии

выдавить из себя хоть какой-то звук, он тут же осыпал бы его самыми страшными проклятиями.

– Эка тебя отделали, даже жалко немного, – с легкой улыбкой произнес Гандыбин, подходя к высокой кровати. – Думал, если ты законный, то ни у кого рука на тебя не поднимется?

Глаза Индуса сверкали ненавистью, бегали, словно человек искал взглядом, чем бы запустить в своего врага.

– Поймали мы тех, кто на тебя посягнул. Ну, да ты же сам этих двух бомжей видел. Мигом раскололись, во всем сознались. Думаю, им на зоне ваша братва долго жить не позволит. Жаль, что ты на опознание прийти не сможешь по состоянию здоровья, – Гандыбин подошел к кровати вплотную, сделал вид, что пожимает руку Индусу.

На самом деле он глубоко вонзил в ладонь зажатое в кулаке канцелярское шило, при этом смотрел прямо в глаза законному. У того даже зрачки не сузились, из приоткрытого рта не вырвалось и намек на стон – боли он не чувствовал абсолютно. Подполковник повеселел. Паралич был полным и настоящим.

– Ну, что ж, поправляйся, если получится, – вместо прощания сказал подполковник.

Уже на площадке, когда реаниматолог собирался вернуться к пациентам, Гандыбин остановил его:

– Странно у вас получается. Смотрю, вора вы в лучшую палату определили, оборудование к нему дорогое, загранич-

ное, подключено. А он же – мразь, человеческий отброс. Загнется, туда ему и дорога. Вы бы, молодой человек, лучше бы достойного члена общества на его место положили.

– Он самый тяжелый из всех, – спокойно ответил реаниматолог. – Я разницу между пациентами только по этому критерию и делаю.

– Может, у него еще есть шанс заговорить, на ноги встать? – прищурился главмент.

– Вот этого он, к сожалению, уже никогда не сможет сделать, – признался медик.

– Тогда прощайте, – Гандыбин заспешил по лестнице вниз, его ждали еще кое-какие дела.

Служебная машина главмента нагло стояла у самого крыльца больницы, там, где положено находиться только автомобилям «Скорой помощи». Подполковник опустил на сиденье, глянул на часы.

– Успеваем, давай теперь по второму адресу, – приказал он водителю.

Ехали недолго, вскоре машина уже катила по частному сектору. Подполковник махнул рукой, когда поравнялись с домом Индуса.

– Стой, – скомандовал он водителю.

Гандыбин понимал, что его бы тут же известили, если бы удалось обнаружить общак, но все же волновался, когда входил во двор. Двое полицейских, тех самых, которые были с ним ночью в парке, приготовились негромко докладывать об

«успехах».

– А почему вонь такая стоит? – поинтересовался подполкан.

– Ассенизационная машина полчаса как уехала. Всю выгребную яму выкачала, а туда Индус срал, наверное, уже лет десять. Ничего не нашли. Пусто. Вот дерьмо по участку и разлилось.

– Дрянь какая.

– В доме все обыскали. Полы подняли, чердак обыскали. Подвал перекопали. Не нашли.

– Чем теперь занимаетесь?

– По квадратам работаем.

– Это как?

– Участок на квадраты разбили и шупом землю проверяем на наличие твердых предметов.

Полицейский поднял с земли палку с привязанным к ней заточенным арматурным прутком и с размаху вонзил в почву.

– Вот так, шаг за шагом, квадрат за квадратом и идем.

– Много прошли?

– Тут, чтобы все обыскать, неделя нужна, а то и две, мы уже подсчитывали.

– По квадратам идете, – передразнил Гандыбин. – На фарт надеяться надо, – он забрал шуп, беззвучно пошевелил губами, осматриваясь в саду, затем лихо саданул прутком в землю.

Тот целиком, без всякого сопротивления вошел в рыхлую почву. Но когда Гандыбин попытался его вытащить, то ока-

залось, что прут отсоединился от палки. Теперь из земли торчал только кончик арматуры.

– Сержант, вытаскивай.

Сержант, пыхтя, расшатывал штырь за кончик.

– Пассатижами надо.

Сбегали в машину за пассатижами, вытащили прут, покрепче примотали его проволокой к деревяшке. Гандыбин еще раз решил испытать счастье.

– Ну, не сразу же повезти должно, – сделал пару шагов к дорожке, ведущей к сараю, и вновь ткнул.

Теперь прут вошел сантиметров на семьдесят и уперся во что-то металлическое – звякнуло.

– Ну-ка, ну-ка, – Гандыбин стал исследовать находку, она оказалась довольно большой. – Бочка, что ли, закопана? Лопаты тащите, да быстреей.

Начальник ОВД нервно курил в сторонке, пока его подчиненные в две лопаты отбрасывали землю. Работа шла не быстро, мешали корни старых яблонь. Толстые, лопатой не перерубишь, приходилось их обкапывать и пилить ножовкой. Наконец лезвие лопаты заскребло по металлу.

– На бочку не похоже, – полицейский сидел в яме и выбрасывал осыпавшуюся землю руками. – Да и не сильно глубоко закопано.

– А и не должно глубоко лежать. Его же время от времени доставать приходилось. Думаю, ящик сварной, – подполковник склонился и лишь успевал поворачивать голову, чтобы

отбрасываемая земля не попала в глаза.

Вскоре находку догадались подцепить ломом, и на поверхности оказалась старая проржавевшая рессора.

– От трактора, кажись, – присмотрелся к ней один из полицейских.

– Ты из деревни, что ли, в органы пришел? – поинтересовался Гандыбин, плюнул под ноги. – Работайте. Тут где-то должно быть.

Когда машина с подполковником скрылась из вида, сержант окинул взором участок около дома и остановился на стоящем в тени дерева колодце. Что ж, фарт так фарт. Раз начальство советует, можно и так поработать.

– Эй, молодой, иди сюда, – крикнул сержант.

К нему подбежал щуплый паренек лет двадцати на вид. Форма на нем была размера на два-три больше. Над верхней губой еле пробивались жиденькие усики.

– Найди в доме веревку и спускайся в колодец. Мало ли что у Индуса в голове было. Может, он там, на дне, свои богатства припрятал. Оно ж как: чем старше человек, тем больше тараканов в голове.

Молодой метнулся в дом. И через минуту выбежал с толстой, добротной веревкой метров тридцати в длину.

– Помогите ему там, – приказал сержант.

Несколько ментов взялись за один конец, сбросив второй вниз. Молодой стал на край и медленно сполз вниз. Несколько минут из глубины колодца слышали шорохи и кряхтенье,

после чего раздался громкий всплеск. Веревка ослабилась, и менты заглянули внутрь.

– Ну как?

– Ничего. Пусто. Поднимайте.

– А может, тебя там оставить? – пошутили коллеги над салагой. – Ой, упала!

Один из ментов сбросил второй конец веревки вниз.

– Гы-гы-гы-гы, – заржали все хором.

Сержант подошел к компании и на правах старшего дал зачинщику розыгрыша подзатыльник.

– Болотов, бля... Это тебе не твое ПТУ. Чтобы через минуту был наверху. И быстро за работу. Хочешь, чтобы подполковник приехал и всем нам вставил по самое не балуйся?

Полицейские притащили из дома вторую веревку, достали промокшего и обиженного коллегу из колодца и снова приступили к поискам...

Глава 6

Новенькая, поблескивающая начищенной латунью и лаком моторная яхта неторопливо разрезала воды Оки. Высоко над рекой проплывали ажурные конструкции железнодорожного моста. В застекленной рубке старательно вращал колесо штурвала рулевой.

Владелец плавсредства – видный не только в Серпухове, но и во всей Московской области бизнесмен Виктор Пименович Лаврецкий – сидел под полотняным навесом рядом с подполковником Гандыбиным на корме судна. Место для беседы было выбрано удачно – на воде никто не подслушает, не подсмотрит.

– Я рад, что вам удалось отмазать моего непутевого сына от этого идиотского убийства, – говорил пожилой бизнесмен, речной ветер трепал его седые волосы.

– Знали бы вы, Виктор Пименович, чего мне это стоило, – напомнил о своих заслугах в развале уголовного дела против непутевого Валерия Лаврецкого, застрелившего кавказца, полицейский подполковник.

– Все имеет свою цену, – мягко улыбнулся Лаврецкий-старший, доставая из кармана прозрачный файл, в котором лежали пластиковая карточка и бумажка с написанным от руки пин-кодом. – Сумму, о которой мы договаривались, уже лежит в латвийском банке, как вы и просили.

Гандыбин слотнул, но к кредитке пока не притронулся.

– В чем дело? – насторожился бизнесмен. – Мы же договаривались.

– Обстоятельства изменились, – развел руками Гандыбин. – В каждом стаде найдется паршивая овца. Вот и у меня в ОВД отыскался один опер. Копают под вашего сына.

– Много накопал?

– Достаточно для того, чтобы по вновь открывшимся обстоятельствам... – Гандыбин многозначительно замолчал, щелкнул пальцами, а затем добавил: – Короче говоря, раскопал все, как оно и было на самом деле. А ведь там не только убийство кавказца, но и ночная жизнь фитнес-центра «Парадиз».

– Понимаю. Предстоят непредвиденные траты. Сколько надо заплатить вашему оперу-шантажисту за молчание?

Подполковник довольно прищурился, Лаврецкий-старший «повелся», оставалось только грамотно его дожать.

– Опер денег не возьмет.

– Такой дурак или такой честный?

– И то и другое, – заулыбался полицейский подполковник. – Мне, чтобы на него серьезно надавить, надо будет кое-кого из начальства подмазать. Чем выше должность, тем больше просят. Сами понимаете, закон жанра.

– Называйте сумму, – холодно произнес Лаврецкий-старший.

– Виктор Пименович, буду с вами абсолютно честным.

Деньги нужным людям, я уже заплатил из своего кармана.

– Разве это что-то меняет?

– Меняет. Мне не единовременная сумма нужна, а доля...

– Доля в чем?

– В вашем бизнесе, – жестко произнес Гандыбин. – Я имею в виду «Парадиз».

– Однако, – покачал головой бизнесмен. – Круто берете. Хотя я понимаю ход вашей мысли. «Парадиз» работает у вас под боком. Крышевали вы его за разовые вознаграждения в случаях форс-мажора. Должность у вас сегодня есть, завтра – нет. А вкусно пить и красиво кушать всегда хочется, – как видите, я тоже откровенен с вами.

– Где-то вы правы. Но и я прав. Долю оформим на кого-нибудь из моих родственников.

– Я еще не сказал «да».

– Вам деться некуда. Отцовское сердце не камень. Не в тюрьму же сына отправлять. У самого дочь есть, и я ради ее будущего в лепешку готов разбиться, – при упоминании дочери Тома глаза у подполковника сентиментально блеснули.

– Доля в бизнесе – тема обсуждаемая, не спорю. Но «Парадиз» материя тонкая, там все деньгами не измерить, слишком много составляющих. Контингент сложный.

– Так и родительские чувства к одним деньгам не сведешь, – напомнил Гандыбин.

– Раз уж вы вспомнили о своей Тамаре, то у меня есть и встречное предложение. Не думайте, что ваше требование

о доле в бизнесе застало меня врасплох. Сегодня утром я говорил с сыном и...

Договорить Лаврецкий-старший не успел. Рулевой распахнул дверцу рубки и крикнул:

– Виктор Пименович, там утопленника в клетчатой рубашке течением тащит прямо на нас, – он указал рукой.

Бизнесмен и подполковник поднялись. Прямо на яхту течение тащило утопленника, из воды выступала разбухшая спина в крупную клетку. Лавреций посмотрел на Гандыбина. Мол, что делать? Вытаскивать?

– Ну его на хрен, – пожал плечами Гандыбин. – Мы могли его и не заметить. Так что вы о сыне там говорили?

Лаврецкий-старший барабанил пальцами по перилам яхты, а затем внезапно рассмеялся.

– Не понял, – вскинул брови подполковник. – Что я смешного сказал?

– Да это не утопленник, а сетка с капустой плывет, такие на оптовых рынках продают, – бизнесмен вытирал слезящиеся от смеха глаза носовым платком.

* * *

Уже вечерело. В читальном зале городской библиотеки оставалось совсем мало народа. Двое пенсионеров неторопливо листали газетные подшивки и неодобрительно посматривали на Тамару Гандыбину. Молодая художница залезла

на стремянку и подвешивала к штанкету свой очередной шедевр. Библиотекарша стояла внизу и помогала ей советами.

– Выше подними. По-моему, фотографию следует разместить справа от картины.

Студент, засев в темном углу, делал вид, будто работает с энциклопедией и словарями. На самом деле он, пользуясь халявным библиотечным Wi-Fi, глобально обновлял программы в своем айфоне. В перерывах между закачками парень наслаждался созерцанием обнаженной женской натуры на полотнах Тома. Эротические фотографии его особо не привлекали, при желании он мог найти в Интернете что-нибудь и покруче.

– Не нравится мне, – призналась Тома. – Тут картины толком и не разместишь. Нет нужного освещения, бликуют. Да и лампы дневного света все портят. Под ними абсолютно не так, как было задумано, проявляются цвета. Ну, вот посмотри, – обращалась она к библиотекарше. – У моей «Рождение Афродиты» натурально целлюлитная задница. А все из-за света.

– По мне, так очень хорошо получается. Лучшая выставка, какая здесь когда-нибудь была.

– Ужасно, – Тамара спустилась со стремянки, отошла к стене и, скрестив руки, принялась издали рассматривать Афродиту.

– А мне нравится, – вставил студент. – Конечно, не «Третьяковка», но тоже внушает. – «Афродита» – лучшая карти-

на. С натурщицей не познакомите?

– Не познакомлю, и не мечтайте. Приличные дамы не любят халявщиков. Да не прячьте вы свой айфон под столом. Все и так понятно. Тут все равно безлимитка.

Студент покраснел, словно его застучали за неприличным занятием.

– Я вообще-то поработать сюда с конспектом пришел, – проговорил он. – Ну, а потом вижу, что можно и подключиться.

Тамара потеряла к халявщику всякий интерес, вновь забралась на стремянку и сняла «Афродиту», оставив на стене только фотографию. Теперь девушка теребила в руках веревку. В читальный зал неслышно зашел Павел Анкудов, оставившись за спиной у Тамары, аккуратно кашлянул. Девушка повернула голову.

– А ведь хорошо картина смотрелась, – сказал опер. – Надеюсь, вы не вешаться по этому поводу собрались?

Тома скомкала веревку в кулаке.

– Открытия выставки еще не было. Если вы в библиотеку пришли, то стеллажи с периодикой вон там, – показала направление Тома Гандыбина.

Она, конечно же, узнала Анкудова. Несколько раз видела его, когда приходила с отцом на концерты, посвященные дню милиции.

– Во-первых, здравствуйте. Я – старший оперуполномоченный Анкудов, – представился Павел. – Можно с вами по-

беседовать?

– В качестве кого: подозреваемой, потерпевшей или свидетеля?

– Все эти качества подразумевают лишь одно процессуальное действие – допрос. А я хотел бы именно побеседовать.

– Познакомиться хотите? – улыбнулась Тома. – Мол, давайте поболтаем. Вы же видите, я занята.

– Я тоже не развлекаться сюда пришел. К тому же ничего путного вы сегодня уже не придумаете.

– Ладно, – неохотно согласилась Тома. – Поболтать так поболтать.

– Побеседовать, – уточнил оперуполномоченный.

– Какая разница? – Тамара удивленно вскинула брови, когда увидела поданную ей руку, оперлась на нее и спрыгнула со стремянки. – Я думаю, наша болтовня не для посторонних ушей. Пойдемте в книгохранилище. Там тихо и уединенно.

Тома не кокетничала специально, просто у нее была такая манера общения с мужчинами.

– Вам настолько доверяют в библиотеке?

– Это я им доверяю. Там мои работы стоят.

Высокие металлические стеллажи тесными рядами заполняли зал. Они доходили почти до самого потолка, от чего были похожи на небоскребы, а проходы между ними казались улицами. Шаги девушки и опера разрушили тишину. Тома подвела Анкудова к журнальному столику с электрочайни-

ком, вазочкой с дешевым печеньем и банкой растворимого кофе, села в потрепанное кресло.

«Ну вот, – с тоской подумал Павел. – В кабинете ее отца стоял. И теперь все повторяется, она сидит, я стою».

– Можете взять стопку журналов и сесть на нее, – словно прочитала мысли опера Тамара.

Анкудов подтащил перевязанную шпагатом стопку журналов с красноречивым для следователя названием «Знание – сила». Теперь обстановка стала почти домашней. Тихо закипал чайник.

– Вас отец ко мне прислал?

– Ни в коем случае. Я бы даже просил, чтобы он не знал о том, что я приходил. И уж тем более не заговаривайте с ним о теме нашей беседы.

– Многообещающее начало, – улыбнулась Тамара. – В таком случае я вам даже кофе приготовлю. Слушаю.

– Это вы вызвали полицию в фитнес-центр «Парадиз»? – с добрым прищуром поинтересовался Анкудов.

– Не стану отпираться. Я это сделала.

– Почему?

– Почему не стала отпираться?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.